

РУССКИЙ ГОАР И ЕГО ШКОЛА¹

Великим тружеником русской литургической науки был профессор Алексей Афанасьевич Дмитриевский (11 марта 1856 — 10 августа 1929). Он принимал деятельное участие в ее создании и с вдохновением самоотверженно всю жизнь разрабатывал ее проблемы. За труды по собиранию и изданию греческих литургических текстов Типикона и Евхология он заслужил наименование «русского Гоара». Им была создана Киевская школа русских литургистов (Прилуцкий, Пальмов, Неселовский, Дьяковский, Лисицын, Кекелидзе, Скабалланович, Барвинок, еп. Гавриил (Чепур)². Дмитриевский, радуясь быстрому росту литургической науки в России в начале XX века, не переставал указывать литургистам, среди которых были ученики его школы, на огромные задачи, стоящие перед ними, и на ответственность перед православным миром. Он призывал русских литургистов к напряженному труду.

Дмитриевский был уроженцем Астраханской губернии, чем объясняется вспыхивавший у него по временам интерес к церковной истории этого края³. По окончании Астраханской духовной семинарии он в 1878 г. поступил в Казанскую духовную академию на церковно-практическое отделение. Здесь он на студенческой скамье вдохновляется тем интересом к древнерусским церковным памятникам, который вызвало соловецкое собрание рукописей, полученное академией. Дмитриевского вдохновляют свежестью и интересом содержания лекции проф. Н. Ф. Красносельцева. Он пишет ему кандидатское сочинение по рукописным первоисточникам — «Богослужение в Русской Церкви в XVI веке», пользуясь доброжелательностью и помощью Красносельцева. Он вспоминает, как его учитель тратил на беседы с ним «много времени в промежутках между лекциями и у себя на дому по вечерам, охотно снабжал источниками и пособиями и нередко из собственной библиотеки щедро и великодушно отдавал в руки неизданные материалы, почерпнутые из рукописей, и собранные им самим разного рода заметки». «Сердечные, истинно отеческие отношения» Красносельцева к Дмитриевскому продолжались до кончины Красносельцева (11 сентября

¹ К данной работе сделал свои примечания ученик А. А. Дмитриевского, профессор Литургики и Византологии в Ленинградской духовной академии д-р Церковной истории Н. Д. Успенский (Н. У.). — *Ред.*

² Проф. А. А. Дмитриевский никогда не называл свою школу «Киевской», а русской. — *Н. У.*

Проф. М. Скабалланович не был учеником А. А. Дмитриевского, — см. об этом с. 59 настоящей работы. — *Ред.*

³ Например, первая его печатная работа — «О состоянии сектантства в Астраханском крае в царствование Александра Благословенного по документам архива Консistorии». «Астраханские епархиальные ведомости», 1878, № 22.

1898 г.). По указаниям Красносельцева, Дмитриевский для своего кандидатского сочинения сначала использовал литургические рукописи соловецкого собрания в родной академии, а потом летом 1881 года поехал на 4 месяца в Москву для занятий над богатым рукописным материалом тамошних библиотек. Дмитриевский с благодарностью вспоминает, как его радушно принял профессор Казанской духовной академии Алексей Степанович Павлов¹. Узнав о «скудости финансов» Дмитриевского, он предоставил ему свою квартиру, пустовавшую летом, и свою богатую библиотеку в полное распоряжение. Павлов помогал молодому студенту преодолевать трудности изучения греческой палеографии. Дмитриевский не мог забыть продолжительных бесед с Павловым, в которых «проходили целые вечера, и часто они затягивались до зари, когда были уже потушены свечи...»

Кандидатское сочинение Дмитриевского обратило на себя внимание Совета академии и было удостоено премии митр. Иосифа в 165 рублей².

Перейдя на четвертый курс, Дмитриевский занялся переработкой своего сочинения в магистерское. Вполне естественно, что его должна была заинтересовать близкая к предмету его занятий кандидатская работа Николая Федоровича Одинцова³, написанная проф. Н. В. Покровскому, — «Порядок общественного богослужения в древней России до XVI века. Церковно-историческое исследование». СПб., 1881, 300 стр.⁴ Вдохновленный бессмертным «Описанием славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» Горского и Невоструева, особенно его третьим томом, Одинцов явился, строго говоря, пионером в области истории русского богослужения. Это обстоятельство и ограниченный материал, использованный им, объясняют недостатки его труда — первого опыта исторического объяснения особенностей русского богослужения. Эти недостатки были указаны в ценной рецензии Дмитриевского «Богослужение в Русской Церкви в первые пять веков»⁵.

По окончании академического курса со степенью кандидата богословия в 1882 году⁶ Дмитриевский получил назначение преподавателем Гомилетики и Литургики в Самарскую духовную семинарию⁷, но ректор академии прот. Александр Владимирский, исполняя постановление Совета⁸, сообщал директору канцелярии обер-прокурора Синода, что «Совету было бы весьма желательно удержать при академии этого даровитого и трудолюбивого юношу в видах пользы, какую он может со временем принести отечественной и богословской науке», и просил разрешения оставить Дмитриевского в звании приват-доцента при кафедре Литургики⁹. Ходатайство было удовлетворено¹⁰, и Дмитриевский, выполнив требования Устава о пробных лекциях и диссертации *pro venia*

¹ Незабвенной памяти проф. А. С. Павлова, Труды КДА, 1899, I, с. 59—78.

² Протоколы Казанской духовной академии (далее — Протоколы КазДА), 1883, 16, с. 298—299, 334.

³ Н. Ф. Одинцов, кандидат богословия СПб. дух. акад. XXXIV курса (вып. 1877), духовный писатель, был окружным инспектором Виленского судебного округа. Ему принадлежит сочинение «Униатское богослужение в XVII и XVIII вв. по рукописям Виленской публичной библиотеки», Вильна, 1886, 137 стр., которое не мог видеть автор данной работы.

⁴ Сначала появилось в виде статей в «Душеполезном чтении», 1877, I—II; 1878, I, а «Последование таинств в Церкви Русской в XVI столетии по рукописям Новгородско-Софийской и Синодальной библиотек» в «Страннике», 1880, № 3, с. 354—371; № 4, с. 551—573; №№ 9—10, с. 34—67.

⁵ «Православный собеседник» (далее — ПС), 1882, I, с. 138—196, 252—296; II, с. 346—373; III, с. 149—167, 372—394; 1883, II, с. 345—374; III, с. 198—230, 470—485.

⁶ Протоколы КазДА, 1882, с. 102.

⁷ Там же, с. 213—214.

⁸ Там же, с. 92—93.

⁹ Там же, с. 214—215.

¹⁰ Там же.

legendi, был допущен 13 ноября к чтению лекций по Истории богослужения в Русской Церкви при кафедре Литургики, которую занимал проф. Красносельцев¹.

В 1882—1883 академическом году он читал студентам I и II курсов Историю русского богослужения с IX века до времени митрополитов Киприана и Фотия включительно, а студентов IV курса знакомил с историей богослужебных книг².

Не дожидаясь оформления своего служебного положения, Дмитриевский осенью 1882 года представил³ свое магистерское сочинение «Богослужение в Русской Церкви в XVI веке. Ч. I. Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств. Историко-археологическое исследование с приложениями». Казань, 1884⁴. Руководитель Дмитриевского Красносельцев в своем отзыве⁵ признал диссертацию «весьма солидным вкладом в науку археологии вообще и археологии православного богослужения, в частности, как по новости и обилию обработанного материала, так и по характеру обработки... вполне научному», отметив редкое трудолюбие автора, который дал исследование особенностей русского богослужения от начала его до конца XVI в., по рукописям XVI века.

Защита диссертации, состоявшаяся 11⁶ декабря 1883 года, увенчала Дмитриевского степенью магистра богословия⁷. В историю русской литургической науки должна войти значительная речь диспутанта перед защитой — «Способы определения времени написания рукописей без определенных дат вообще и богослужебных рукописей в частности»⁸. Здесь Дмитриевский убедительно обосновывает исторический метод датировки литургических рукописей. Знакомя аудиторию с процессом своих работ над диссертацией, он рассказывает, как постепенно знакомился с рукописным преданием, сначала русским, представленным соловецким собранием *Almae Matris*, а потом и Православного Востока, южнославянским и греческим, для чего пришлось еще во время работы над кандидатским сочинением летом 1881 года поехать в Москву для изучения литургических памятников Синодальной библиотеки, Румянцевского музея, библиотек Типографской, быв. Волоколамского монастыря, Московской духовной академии, Троице-Сергиевой Лавры. Летом 1882 года состоялась новая поездка в Москву и Петербург. Молодой энтузиаст использовал для своей диссертации до 200 славяно-русских, 30 южнославянских и 70 греческих рукописей, предварительно изучив греческую палеографию. В ходе работы выяснилась необходимость для объяснения многих особенностей русского богослужения и разрешения многих литургических проблем обратиться к греческим и южнославянским первоисточникам. В приложении к своему труду Дмитриевский издал 10 чинов по греческим рукописям русских библиотек. Отметим наиболее существенные тезисы диссертации, так как они определили дальнейший путь ученой деятельности Дмитриевского.

1) Богослужение в Русской Церкви в XVI веке находится в прямой генетической связи с богослужением предшествующего времени (тезис 1), 2) отличаясь от него а) «полным утверждением... Иерусалимского устава» (тезис 2а) с дополнением русских служб (тезис 3) и

¹ Там же, с. 304—306.

² Отчет о состоянии КазДА за 1882—1883 уч. год, с. 31.

³ Протоколы КазДА, 1882, с. 211.

⁴ XIV+434+135+XXIV с.

⁵ Протоколы КазДА, 1882, с. 334—338.

⁶ В *Singulorum vitae*, написанном собственноручно А. А. Дмитриевским, указано 13 декабря 1883 г. Архив А. А. Дмитриевского (Государственная Публичная библиотека, фонд 253, картон 1-й). — Н. У.

⁷ Протоколы КазДА, 1882, с. 338; 1883, с. 347—348, 349.

⁸ ПС, 1884, I, с. 75—92.

«появлением так называемых монастырских обиходников или местнорусских уставов» (тезис 2а), созданных под непосредственным влиянием господствующего Иерусалимского устава, от которого они отличаются большей торжественностью и церемониальностью церковных служб, большим количеством стихир... по преимуществу русских национальных песнописцев (тезис 4), б) полным развитием богослужебных чинов и последований, исчерпавших весь греческий евхологий и составивших в нашей Церкви две богослужебные книги — Служебник и Требник (тезис 2б), в) появлением новых чинопоследований (тезис 2в).

«Чинопоследования таинств и служб седмичных XVI века отличаются замечательным обилием списков разных редакций... и чрезвычайно развитой ритуальной обрядовой стороной этих чинопоследований» (тезис 5).

Однако все встречающиеся в них особенности, «за весьма немногими исключениями, находят для себя полное основание в богослужебной практике христианского Востока» и, следовательно, не являются русскими. «Богослужебные памятники Церквей греческой и южнославянских — вот истинная и настоящая причина этого разнообразия» (тезис 6) ¹.

Иными словами, «богослужение в Русской Церкви в XVI веке — зеркало богослужения Православного Востока, к которому и надлежит обратиться для разрешения литургических проблем, предварительно сделав известным богатое литургическое рукописное предание, рассеянное по малодоступным монастырским библиотекам Востока». К ним и направил свой путь Дмитриевский, выяснив ограниченность южнославянского и греческого рукописного материала в русских книгохранилищах.

После двухлетнего преподавания в родной академии Дмитриевский получает самостоятельную кафедру Литургики и Церковной археологии в Киевской духовной академии, с которой и связана его дальнейшая двадцатитрехлетняя профессорская деятельность (1884—1907), принесшая ценный плод русской литургической науке. Его избрали доцентом 16 декабря 1883 года ². Еп. Платон вспоминает, «как горячо обсуждался... вопрос о замещении кафедры... Литургики с Церковной археологией. Соискателем ее был известный Совету за весьма способного и талантливую г. Булашев, питомец нашей академии. Однако баллотировкой отдано было преимущество молодому, только еще начинающему ученому, сыну Казанской академии» ³. Булашев получил 5 «избр.» и 5 «неизбр.», а Дмитриевский — 8 «избр.» и 2 «неизбр.». Последний был утвержден в должности доцента с 1 марта 1884 г., весной он участвует в экзаменационных комиссиях, а осенью 1884 г. начинает чтение лекций по Церковной археологии и Литургике ⁴, которые по новому, вступившему в действие с осени того же, 1884, года Уставу стали предметами общеобязательными для всех студентов. В 1884/85 году Дмитриевский читал студентам III и IV курсов Историю христианской архитектуры,

¹ А. Дмитриевский. Способы определения времени написания рукописей. Речь перед защитой магистерской диссертации. ПС, 1884, т. I, с. 90—91.

² Извлечение из журналов Совета Киев. дух. акад. (далее — Извлечение...) за 1883—1884 гг., с. 87, 174—176, 216—217. (В Curriculum vitae А. Дмитриевского указан день избрания 13 марта 1884 г. (ГПб., фонд 253, карт. 1-й). — Н. У.

³ Георгий Онисимович Булашев, магистр богословия КДА, вып. 1883, учитель Киево-Подольского дух. учил. (потом Киев. дух. сем.), автор полезного дополнения по киевским рукописям к труду архиеп. Владимирского Сергия «Полный Месяцеслов Востока» — «Месяцесловы святых при рукописных богослужебных книгах церковно-археологического музея». ТКДА, 1882, VI, прил. 1—32; VII, с. 32—92; IX, с. 216—217. О Булашове — ПБЭ, II, с. 1182—1183. Архиеп. Сергей. «Полный Месяцеслов Востока», 12, с. XVIII—XIX.

⁴ Извлечение за 1906/07 г., с. 51.

иконографии и богослужебных облачений. Студенты IV курса прослушали, кроме общих сведений по Литургии, Историю гимнографии и Курс исторического развития богослужебных чиновствований¹. В 1885/86 г. Дмитриевский в курс Литургии включает и чтения «о Типиконе, его составе и значении в ряду других богослужебных книг, с обзором и характеристикой известных Уставов церковных»², вероятно, под влиянием только что вышедшей докторской диссертации И. Д. Мансветова «Церковный устав (Типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви» (М., 1885), на которую Дмитриевский откликается библиографической заметкой в «Богословском библиографическом листке» при «Руководстве для сельских пастырей».

Исторические проблемы Типикона продолжают интересовать Дмитриевского и намечают его дальнейший исследовательский путь.

Программа лекций Дмитриевского повторяется и в 1886/87 году, но в курс Литургии включается отдел «О Службнике и Требнике, Триоди Постной и Цветной»³.

Необходимо отметить напряженную работу Дмитриевского. Кроме чтения лекций, подготовка к которым требовала большого труда, он занимается описанием церковных предметов, книг и рукописей, поступивших из Нежина по его же инициативе в церковно-археологический музей при академии⁴.

В «Руководстве для сельских пастырей» появилась целая серия статей Дмитриевского⁵, посвященных главным образом вопросам современной богослужебной практики, никак не отразившейся в Типиконе, застывшем после трагического исправления богослужебных книг в середине XVII века. Эта консервативность современного славяно-русского Устава является одним из существенных его недостатков, так как «он находится в противоречии с действующей практикой и порождает недоумения у нашего духовенства и противоречия в распоряжениях епархиальной власти»⁶.

¹ Отчет о состоянии Киевской дух. акад. за 1884/85 г., ТКДА, 1885, № 12, с. 699—700.

² Отчет о состоянии КДА за 1885/86 г., с. 19.

³ Отчет о состоянии КДА за 1886/87 г., с. 28, 30.

⁴ Греческие нежинские храмы и их капитальный вклад в церковно-археологический музей при Киевской дух. акад. «Православное обозрение», 1885, № 12, с. 370—400. Описание рукописей и книг, поступивших в церковно-археологический музей при Киевской дух. акад. из греческой нежинской Михаило-Архангельской церкви. ТКДА, 1885, прил. к III, IV, V, VI, VII—XII. 160 стр. На VIII Археологическом съезде в Москве в 1890 г. Дмитриевский читает доклады «Греческое Нежинское братство и его устав» и «Архив греческого Нежинского братства» (Труды VIII Археологического съезда в Москве в 1890 году, т. III, М., 1897, с. 114. Занятия VIII Археологического съезда, М., 1890, с. 171, 178—179).

⁵ В 1885 году: Чин скрывания новобращенных (№ 2). Чтение Евангелий на шестой и в первые три дня Страстной седмицы (№ 8). Вынос Плащаницы на вечерне в Великий пяток (№ 9). Выход священнослужителей на средину храма пред Плащаницу для пения непорочных в Великую субботу на утрени (№ 10). Вынос Плащаницы и Евангелия на утрени в Великую субботу и хождение с ними кругом храма (№ 10). Начало утрени в первый день Пасхи и крестный ход кругом храма пред этим началом (№ 11). Время совершения литургии в первый день Пасхи (№ 13). Чтение Евангелия в первый день Пасхи на разных языках и обряды, сопровождающие это чтение (№ 13). Вечерня в первый день Пасхи накануне праздника Благовещения Пресвятой Богородицы (№ 13). Снятие Плащаницы с Престола в день отдания Св. Пасхи и обряды, совершаемые при этом в Малороссии (№ 20). 5 сентября. Ина служба св. прор. Захарии и св. прав. Елисаветы (№ 44). Праздник в честь Покрова Пресвятой Богородицы и величание для него (№ 46). Кто виноват? (№№ 49, 50). В 1886 году: Что нужно петь вместо стихир «Видехом свет истинный» в субботу пред Троицыным днем? (№ 10). Вечерние светильничные молитвы (№№ 33 и 36). Утренние (светильничные) молитвы (№ 42). В 1887 году: Произвольное отождествление нерейской спитрахии с архиерейским омофором (№ 29). Типикон Великой церкви или современный Типикон греческих приходских церквей (№ 6).

⁶ Дмитриевский. «Христианское чтение» (далее — ХЧ), 1888, №№ 9—10, с. 561.

Смерть в 1885 г. великого путешественника по Востоку еп. Порфирия (Успенского) и проф. И. Д. Мансветова, с которыми Дмитриевский был лично знаком, вдохновила его «из своих «незабудок» своими неопытными слабыми руками сплести венок на эти дорогие могилы» и прочитать 13 января 1886 г. в Церковно-археологическом обществе при КДА доклад «Поминки Преосвященного Порфирия Успенского и профессора Московской духовной академии И. Д. Мансветова (Краткий очерк учено-литературной деятельности их)»¹.

В этом докладе для литургистов интересны те страницы, которые посвящены подробному разбору трудов безвременно скончавшегося талантливого московского литургиста. Цель доклада, естественно, включала их критику. Но эту критику можно найти в написанной по поручению Учебного комитета при Св. Синоде обстоятельной рецензии Дмитриевского на диссертацию Мансветова «Церковный устав (Типик)», удостоенную Синодом премии митроп. Макария². Рецензент, между прочим, критикует современный Типикон, расходящийся с богослужебной практикой. Что же касается докторской диссертации Мансветова, то Дмитриевский приходит к заключению, что она «не дает систематически последовательной истории нашего Церковного устава, а описывает лишь книги и рукописи известных автору библиотек, носящие названия «Уставов», причем и описание это не всегда ведется в исторической последовательности. Короче говоря, это добросовестно составленная библиография Церковного устава»³. В распоряжении Мансветова был очень ограниченный материал, особенно греческий. Эта скудость первоисточников, от которой страдали все русские литургисты, остро чувствовалась Дмитриевским во время разработки магистерской диссертации и привела его к осознанию необходимости собирания и издания для общего пользования того богатого рукописного литургического наследия, которое хранится под спудом в малодоступных монастырских книгохранилищах Православного Востока. Перед Дмитриевским встала задача научного путешествия в эти библиотеки. Однако реализация этого плана была отсрочена получением им самостоятельной кафедры и переездом в Киев. Но здесь его занятия в 1884—1886 гг. еще яснее показали ему необходимость поездки на Восток.

Летом 1886 года, пользуясь более продолжительными летними каникулами из-за ремонта академических зданий, он одновременно с тремя профессорами Киевской академии отправляется на Восток⁴ и проводит несколько месяцев на Афоне с целью изучения богослужебных рукописей, находившихся в библиотеках тамошних монастырей⁵. Конечно, эти кратковременные занятия не могли удовлетворить молодого ученого, открыв ему лишь некоторую часть огромного рукописного богатства, не находившегося еще в пользовании литургистов. Он испрашивает через совет академии у Св. Синода заграничную командировку с ученой целью на Афон, Синай, в Иерусалим, Афины, Солунь, Патмос, в Рим, Неаполь, Венецию и в южнославянские земли для изучения первоисточников православного богослужения, т. е. богослужебных рукописей и старопечатных книг, на один год, до 1 сентября 1888 года, с отпуском ему в дополнение к содержанию 900 рублей⁶. В свое первое «великое» путешествие по Востоку Дмитриевский отправляется из Киева 2 июля 1887 года. Оно описано им в отчете «Путешествие по Востоку и его научные ре-

¹ ТКДА, 1886, № 3, с. 331—391.

² ХЧ, 1888, №№ 9—10, с. 480—576. Эта рецензия датирована 24 января 1888 г.

³ Там же, с. 575.

⁴ А. А. Олесницкий, К. Д. Попов, Ф. Я. Покровский.

⁵ Отчет о состоянии КДА за 1886/87 г., с. 38.

⁶ Извлечение за 1887/88 г., с. 57—60, 254—255.

зультаты»¹. В Одессе, в ожидании пароходов, Дмитриевский ознакомился с рукописями Новороссийского университета, в частности, с собранием южнославянских рукописей проф. М. М. Григоровича. Во время двухнедельного пребывания в Константинополе внимание Дмитриевского привлекают литургические рукописи библиотеки Иерусалимского подворья в Фанаре. Из Константинополя Дмитриевский едет на Афон, где с 23 июля до 6 октября напряженно работает (до 13 часов в сутки) в богатых литургическими материалами монастырских книгохранилищах, начиная с библиотеки русского Пантелеимонова монастыря. Здесь он вместе с братией переживает ужас пожара 7 августа 1887 года, опустошившего обитель, и, конечно, неблагоприятно отразившегося на занятиях Дмитриевского в этом гостеприимном монастыре². Посещение и других святогорских обителей обогатило молодого ученого литургическим материалом. На Афоне он описал 13 евхологиев, 38 типиконов и более 100 других богослужебных рукописей. Из них 10 наиболее важных были переписаны им «почти дословно с соблюдением даже их палеографических особенностей». С Афона Дмитриевский едет в Святую Землю. По дороге он знакомится с рукописями Халкинской школы. В Иерусалиме он изучает рукописи патриаршей библиотеки, собрания архимандрита Антонина (Капустина), библиотеки Крестного монастыря, где им был найден в копии начала XIX в. «Устав служб Страстной и Пасхальной седмиц в Иерусалиме» (с рукописи 1122 года библиотеки Лавры преп. Саввы Освященного), чрезвычайно важный для истории Иерусалимского богослужения. В конце февраля 1888 года Дмитриевский едет дальше, в Египет. При переезде на пароходе из Яффы в Порт-Саид он попадает в страшную бурю, поезд из Каира в Суэц терпит крушение, дальнейшее путешествие в Раифу «на каике» протекает довольно медленно, но, наконец, в понедельник первой недели Великого поста Дмитриевский добирается до своей цели — Синайского монастыря. Здесь он работает в знаменитой монастырской библиотеке до 8—10 час. в сутки и описывает свыше 500 икон главного храма обители и многочисленных параклисов. «Синайская библиотека,— указывает в своем отчете Дмитриевский,— дала такое количество богослужебных рукописей, какого я не встречал в других восточных библиотеках, да едва ли когда-нибудь встречу потом. Достаточно сказать, что в Синайской библиотеке хранится до 55 экземпляров рукописных евхологиев, начиная с VIII—IX в. вплоть до XVII столетия»³. На Синае Дмитриевский прожил до 30 июня, пользуясь вниманием и радушием монастырской братии⁴. На обратном пути он ознакомился с немногочисленными литургическими рукописями библиотеки Александрийской Патриархии в Каире и Музеем христианской древности. Следующая, более продолжительная остановка произошла в Афинах. Однако приближавшийся конец командировки и отказ академии в ее продлении⁵ заставили Дмитриевского покинуть столицу Эллады, не закончив работ над литургическими рукописями в афинских книгохранилищах. Для поездки

¹ ТКДА, 1889, № 5, с. 103—134; № 6, с. 247—284; № 7, с. 422—444; № 11, с. 333—357, 410—439; № 12, с. 523—544; 1890, № 1, с. 170—192. Приложения: I. Библиотеки рукописей на Синае и Афоне под пером профессоров-палеографов В. Гартгаузена и С. Ламброса. II. Киновийные правила преп. Саввы Освященного, врученные им пред кончиной преемнику своему игумену Мелиту. «Путешествие по Востоку и его научные результаты» было издано и отдельно (Киев, 1890, с. 193+IV).

² А. А. Дмитриевский. Русские на Афоне. «Странник», 1894, № 10, с. 314—318.

³ «Путешествие по Востоку», с. 26.

⁴ О пребывании на Синае в 1888 г. и о встречах с будущим патриархом Александрийским Фотием Дмитриевский вспоминает в статье «Новоизбранный патриарх Александрийский Фотий (Пероглу). По личным воспоминаниям». ТКДА, 1900, № 5, с. 113—159, особенно 129—145.

⁵ «Путешествие», с. 24, 27.

в Италию и южнославянские земли не оставалось времени. Естественно, у Дмитриевского возникло желание новых поездок. За время его первого путешествия им было прочитано и описано 410 греческих и 60 южнославянских рукописей и 42 отрывка из греческих рукописей¹. В том числе — 114 евхологиев, из которых им описано 77, 72 типикона с именем Лавры преп. Саввы Освященного, 5 южнославянских Уставов, 15 орологиев, 19 Евангелий, 8 Апостолов, 20 Триодей, 11 профитологиев, 5 Псалтирей, 6 стихирарей, 3 Октоиха, 9 Миней, 11 нотных богослужебных книг и 4 отдельных службы².

Проф. Дмитриевский имел русских предшественников по путешествиям по восточным книгохранилищам. Но и наиболее известные из них — еп. Порфирий (Успенский) и архим. Антонин (Капустин), заслужившие себе достойную славу собиранием рукописей, их описанием и интересными для науки находками, — в своих занятиях не имели определенного плана. Их занятия носили случайный характер, что не могло не отразиться на результатах их трудов. Они были скорее собирателями, чем исследователями. Дмитриевский же, отправляясь в свое путешествие по Востоку, поставил определенные задачи, которые и стремился выполнить по мере возможности, хотя случайно интересные находки и его заставляли отклоняться от основной темы и «разбрасываться». Основная тема его занятий была поставлена предшествовавшими работами русских литургистов (Мансветова, Красносельцева) и самого Дмитриевского: история Типикона и Евхология, в Русской Церкви представленного главным образом Служебником и Требником, и история общественного и частного богослужения. Для разработки этой истории был необходим материал — рукописное наследство, по преимуществу греческое.

Дмитриевский в отношении истории Церковного устава поставил задачу:

1) «описать и изучить возможно полно и обстоятельно те греческие рукописи, которые так или иначе относятся к Церковному уставу и которые уясняют нам историческое прошлое и нынешний состав данной книги, с преимущественным вниманием к тем рукописям, которые касаются его истории в древнейшую пору христианской Церкви, когда наш Церковный устав еще только вырабатывался в кодекс правил, регулирующих строй православного богослужения, и когда записи Уставов или Типиконов в нынешнем смысле этого слова еще не существовали;

2) проверить личным осмотром все те рукописи и данные для истории Церковного устава, которые были обнародованы и извлечены на свет Божий из книгохранилищ восточных и западных прежними путешественниками и учеными, чтобы иметь возможность вполне самостоятельно и без предубеждений судить как о самих памятниках, так и о научной их ценности для истории настоящей богослужебной книги»³, например, о научной ценности «Евхология» Гоара, о семи экземплярах Студийского Устава в западных библиотеках.

Дмитриевский стремился восполнить пробелы в диссертации Мансветова, которому «остались неизвестными материалы для истории греческого Устава в его древнейшую пору — в переходный период от кратких записей до образования полных письменных его изложений»⁴.

¹ Подробнее о путешествии см. ТКДА, 1889, № 5, с. 104—134; в отдельном издании — с. 1—32, а также «Из дневника паломника (ряд очерков из путешествия по Востоку)», «Киевское слово», 1888, декабрь и 1889, январь—февраль и «Русская (Амбетевская) школа в Каире», «Церковно-приходская школа», 1889, ноябрь.

² Греческие службы: Святогорца Иакова — преп. Антонию Печерскому и Покрову Пресвятой Богородицы, а также подлинники служб Михаила Сирига — Всем Киево-Печерским святым и Положению хитона Спасителя (10 июля).

³ «Описание литургических рукописей», Киев, 1895, т. I, предисловие, с. II—III.

⁴ Там же, с. 2.

Кроме истории Типикона, с ее сложными проблемами, Дмитриевского интересовала история чинов другой важнейшей богослужебной книги — греческого Евхология, чрезвычайно важного для истории славяно-русских Служебника и Требника. От изучения других рукописных богослужебных книг — Триодей, Миней — Дмитриевский благоразумно воздержался, так как огромное количество рукописей (напр., Миней), которых можно было встретить десятки в каждой библиотеке, делало их изучение затруднительным, требуя многого времени. Их описание и изучение, проблемы церковной гимнографии требовали другого учено-литургиста. Это было делом будущего¹. Действительно, через 18 лет этими рукописями занялся профессорский стипендиат СПб. духовной академии Иван Александрович Карабинов, повторивший маршрут первого путешествия Дмитриевского.

Интересно, что в своем «Отчете о путешествии», представленном Совету академии, Дмитриевский указывает и на проблему литургического богословия, хотя ею он сам не занимался. Он отмечает ценность изученных и списанных им рукописей для Догматического богословия. «Нам думается, это — громадное преимущество данного первоисточника, какого другие не имеют, являясь выражением сознания известного определенного лица, а не целой Церкви, как наши чины и последования, — и он заслуживает, по нашему, быть может, и крайнему, мнению, особенного и серьезного внимания православных theologов»².

У Дмитриевского во время путешествия по Востоку возник план издания собранного им материала в 4 томах:

1) Греческий Евхологий — тексты греческих чинов и последований с VIII по XVI в. и отдельные чины XVII в., которые были бы «громадным подспорьем в деле начавшейся разработки нашей науки... Все собранные нами данные... отличаются бесспорным интересом и новизной, но не все имеют одинаковую научную важность»³. Это издание должно было быть научно более совершенным и полным, чем Евхологий Гоара.

2) Южнославянский Евхологий.

3) Греческий Типикон.

4) Описание других богослужебных книг.

Однако этот план издания собранных материалов в скором времени подвергся изменению и принял следующую форму:

1) Греческий Типикон в двух частях.

2) Евхологий.

Собранный Дмитриевским рукописный материал был рассмотрен особой назначенной Советом академии комиссией в составе проф. П. Лашкарева, Н. Петрова и прот. И. Королькова⁴. После обсуждения ее доклада Совет, признавая научную ценность материалов, ходатайствовал пред Синодом «об ассигновании потребной для издания» их суммы⁵. Когда ходатайство Совета было удовлетворено Синодом и на издание последовало ассигнование в 3500 рублей, Совет избрал комиссию для редактирования «Описания» в составе проф. И. И. Малышевского и П. А. Лашкарева⁶. После смерти первого на его место был избран прот. И. Корольков⁷. Издание «Описания» шло очень медленно. Его первый том увидел свет лишь в 1895 году.

Описывая и изучая главным образом литургические рукописи, Дмитриевский во время занятий в восточных книгохранилищах обращал внимание и на печатные издания греческих богослужебных книг, справед-

¹ «Путешествие», с. 65. ТКДА, 1885, № 5, с. 280.

² «Путешествие», с. 41. ТКДА, 1889, № 5, с. 256.

³ «Путешествие», с. 42.

⁴ Извлечение за 1889/90 г., с. 59—60.

⁵ Там же, 1888/89 г., с. 184—185; 1889/90 г., с. 332.

⁶ Там же, 1890/91 г., с. 98.

⁷ Там же, 1896/97 г., с. 93.

ливо указывая, что изменения представляют большой интерес для ли-тургистов. Он установил значительные пропуски в капитальной библиографии Эмиля Леграна¹. Например, в одной только библиотеке Пантелеимонова монастыря Дмитриевский нашел 26 венецианских изданий Миней XVI в., не указанных Леграном². Это знакомство с греческими богослужебными книгами принесло ему значительную пользу в его исследованиях, например, по истории исправления книг в России в XVII веке.

Занятия Дмитриевского во время заграничной командировки не ограничивались библиотеками. Он интересовался и проблемами Церковной археологии, которую он преподавал в академии. Например, он посещает древние храмы в Константинополе, Афинах и в Палестине, изучает мозаики мечети Кахрие-Джамиси и археологию Иерусалима, описывает Синайское собрание икон. Этим занятиям и некоторым вопросам истории иконографии посвящены две главы его «Отчета»:

4. Памятники христианских древностей на Востоке.

5. Критско-синаяская школа иконописи, ее происхождение и характеристические особенности пошиба письма³.

Но, конечно, главный интерес Дмитриевского был обращен на рукописные сокровища Православного Востока. А наблюдения над его церковной жизнью создали популярное описание Дмитриевским церковных порядков и богослужения современного Православного Востока. В 1891 году вышел первый выпуск «Современного богослужения на Православном Востоке» (Киев, 153 стр.). Этим первым выпуском труд Дмитриевского и ограничился, если не считать выходявшие в XX веке его описания великих праздников в Палестине. «Современное богослужение» вызвало резкую критику «анонимного рецензента»⁴ — настоятеля посольского храма в Константинополе архимандрита Арсения (Изотова)⁵. Его, типичного «грекофоба», возмутила книга Дмитриевского, вызвав опасения, что «читатель начинает думать, что практика, обычаи и обряды восточные поставляются в образец нашей Русской Церкви, которая по ним, как по масштабу, оценивает свои обычаи и обряды»⁶. Его возмущали «ученые мужи», которые «представляют современную практику церковную греков образцовой и поучительной для нас»⁷.

Довольно бледно критикуя Дмитриевского и внося свои поправки⁸, он обнаруживает, что «положительно не знаком ни с историей христианского православного богослужения вообще, ни с историей богослужения в Русской Церкви, в частности, а о церковной археологии он едва ли даже слышал» (Дмитриевский)⁹.

¹ Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des grecs aux XV et XVI siècles. Paris, 1885.

² «Путешествие», с. 69, прим.

³ «Путешествие», с. 69—116.

⁴ Библиографическая заметка на книгу «Современное богослужение на Православном Востоке». ХЧ, 1891, VII—VIII, с. 142. А. Дмитриевский. «Недоумение по поводу недоумений» (Ответ анонимному рецензенту книги «Современное богослужение»), ТКДА, 1891, IX, с. 124—151. Ответ на «Недоумение по поводу недоумений». ХЧ, 1892, VII—VIII, с. 213.

⁵ Без богословского образования, впоследствии еп. Сухумский, скончавшийся на покое 16 апреля 1909 г., автор записки «Об особенностях архиерейского служения на Востоке». См. Савва, архиеп. Тверской и Кашинский. «Хроника моей жизни», т. VIII, Серг. Посад, 1909, с. 757—760.

⁶ ХЧ, 1891, VII—VIII, с. 142.

⁷ Савва, архиеп. Тверской и Кашинский. «Хроника моей жизни», т. IX, Серг. Посад, 1911, с. 195.

⁸ Например, замечания о тропаре 3-го часа перед предложением Св. Даров, о «забвении» в Греческой Церкви праздника Покрова, о брачных венцах, о водоосвящении в Преполовение.

⁹ ТКДА, 1891, № 9, с. 124.

Заграничная командировка Дмитриевского была только началом его почти ежегодных путешествий в каникулярное время с целью пополнения и проверки литургических материалов.

Так, например, летом 1889 г. он опять работает в Иерусалиме и в Святогорских монастырях¹. Летом 1891 года он посещает Афон в четвертый раз, Солунь, Афины, Смирну, Патмос, куда он неожиданно собрался, читая книгу И. Саккеллиона в Пантелеимоновом монастыре², и Италию. В 1893 году он занимается в Константинополе и Афинах, на Афоне и путешествует по Италии, посетив Неаполь, Помпею, Рим (Барбернинову библиотеку), Гротта-Феррату, Флоренцию, Турин, Милан, Венецию. Путешествие заканчивается Веной.

В 1894 г. он работает в московских библиотеках.

В 1896 г. опять Константинополь, Афины, Рим, потом Париж и неожиданно Дрезден, где он нашел новый список Устава Великой церкви³.

В 1897 г. Дмитриевский совершает путешествие в Трапезунт.

В 1898 г. он еще раз посетил главнейшие книгохранилища Востока, за исключением Синаи и Патмоса, сверяя корректурные листы «Евхология» с подлинниками. В этом же году он посетил Святую Гору в шестой раз.

В 1903 году состоялось седьмое посещение Афона вместе с только что окончившим академью Л. Д. Никольским⁴.

В 1910 году Дмитриевский еще раз побывал в Святогорских монастырях, состоя секретарем Православного Палестинского Общества.

Во время путешествий и работ в библиотеках неутомимому путешественнику приходилось наталкиваться на многие трудности и испытывать неудобства своеобразных порядков в восточных книгохранилищах⁵. В частности, необходимо указать на трудные условия занятий в библиотеках некоторых Святогорских монастырей. О них не мало писали еп. Порфирий Успенский, архим. Антонин, проф. Н. В. Покровский, И. С. Пальмов⁶ и др. И Дмитриевский испытал не мало «огорчений», особенно в свои первые поездки, вызванных недоброжелательным отношением греков к русским⁷. «В 1886 году летом, т. е. в первую поездку на Афон, в Иверском монастыре, писал он, «мы встретили такой недружелюбный прием, что для нас за целую неделю открыли один только раз библиотеку и притом не без брани уже лично по нашему адресу. В следующем году в Хиландаре... нам и спутнику нашему..., разболевшемуся от афонской изнурительной лихорадки, пришлось, благодаря невниманию братии, в течение почти двух суток сидеть без хлеба и питаться черствыми сухарями»⁸. «Перед тем за несколько дней в том же Иверском монастыре,— писал он,— был жестоко оскорблен приват-доцент Петербургского университета по кафедре новогреческого языка г. Регель, которому монахи не позволили заниматься в библиотеке даже

¹ Отчет о состоянии КДА за 1888/89 г., с. 34.

² Отчет о состоянии КДА за 1890/91 г., с. 46—47. ТКДА, 1892, № 10, с. 330. Отчет за 1891/92 г., с. 529.

³ Отчет о состоянии КДА за 1895/96 г., ТКДА, 1896, № 12, с. 425. О впечатлениях Дмитриевского от Барн и Рима (с точки зрения главным образом нужд русских паломников) — «Православное русское паломничество на Запад», ТКДА, 1897, № 1, с. 99—132; № 2, с. 211—237.

⁴ «Сообщения Правосл. Палест. Общества», 1903 (X), с. 566—572.

⁵ «Путешествие», с. 16.

⁶ Об обмане его и отношении к нему Афонского Протата и Ватопедского монастыря см. его «Отчет о научных занятиях из времени пребывания в Царьграде и путешествия на Афон, в Солунь, Афины и на о. Патмос (с сентября 1883 г. по 15 мая 1884 г.)» в «Протоколах заседаний Совета СПб. дух. академии за 1885/86 г.» (с. 177, 276), с. 205—207.

⁷ Об этом в официальном отчете — «Путешествие» — он дипломатично умалчивает.

⁸ А. А. Дмитриевский. «Патмосские очерки. Из поездки на остров Патмос летом 1891 года». Киев, 1894, с. 63. ТКДА, 1892, № 10, с. 388.

в то время, когда там свободно работал какой-то американский профессор»¹.

В Лавре св. Афанасия Дмитриевский никак не мог добиться от монастырских эпитропов, несмотря на все попытки, подкрепленные рекомендательными письмами Константинопольского патриарха и других влиятельных лиц, разрешения хотя бы только посмотреть на древние кодексы *Διατόμωσις* основателя Лавры. Ему пришлось в «Описании» (т. I) издать этот памятник по позднейшей рукописи Иверского монастыря XVI в. Между тем немецкому пастору Мейеру удалось через одного иеромонаха Лавры получить копию с указанных кодексов и напечатать их за несколько месяцев до появления труда Дмитриевского².

В этой связи любопытен рассказ молодого ученого Московского университета В. Истрина о его мытарствах в Святогорских библиотеках в 1894 году. «Наиболее удобно заниматься в Ватопеде, так как там имеется письменный каталог, составленный очень недурно. К сожалению, не всегда он доступен для посетителей. Во время первого моего посещения Ватопеда там был библиотекарем иеромонах Евгений, старик, несмотря на некоторые странности, хорошо понимавший дело и дававший пользоваться каталогом. Во второй же мой приезд там был библиотекарем уже другой, молодой монах, и, несмотря на ту же любезность умного халитропа архим. Хрисанфа, заниматься было уже не так удобно, ибо каталог стал уже недоступен. Молодой библиотекарь оказался вполне византийцем. На мою просьбу дать мне каталог он отвечал, что каталога у них нет, а пусть я скажу, что мне нужно, и он принесет. Когда я ему возразил, что каталог у них есть и что я сам год тому назад пользовался им, он с беззастенчивостью сказал мне, что каталог у них действительно был, но его куда-то взяли, а теперь его нет. Конечно, это была ложь, но приходилось ему верить, тем более что он меня в библиотеку не повел... Вообще при посещении афонских библиотек нашему брату необходимо вооружиться большим терпением... Я... не был допущен в библиотеку Лавры св. Афанасия... Дело в том, что в то время, когда я туда приехал, в монастыре находился... главный воротила монастыря, а, пожалуй, и всего Афона,— архим. Александр. Этот гордый и грубый... [архимандрит], сам кое-что печатающий, ревниво относился к своей библиотеке... После обычного приветствия он спросил, что мне нужно. Я ему перечислил то, что желал бы найти в их библиотеке. «У нас этого нет»,— сказал он. Я возразил, что пусть он дозволит мне порыться в библиотеке... О. Александр смилостивился и повел меня в библиотеку. Я увидел на столе рукописный каталог и бросился его просматривать. Архим. Александр ушел, оставив меня с послушником. Минут через пять этот послушник... приглашает меня выйти из библиотеки. Я стал возражать, но он сказал, что так приказал о. Александр, ибо библиотекаря в настоящее время нет в монастыре и со мной некому заниматься. Я должен был уйти из библиотеки, в которой находилось несколько тысяч рукописей. Впоследствии оказалось, что сам о. Александр и был библиотекарем, он же составил и описание. Но тогда еще я этого не знал и послал спросить его, когда библиотекарь будет в монастыре, и получил ответ, что дней через пять-шесть. Тогда я составил такой план: я решил отправиться дальше, в монастырь св. Павла, пробыть там это время и потом опять вернуться в Лавру. Я послал опять послушника к о. Александру просить у него позволения приехать снова дней через пять-шесть..., но от него пришел ответ, что библиотекарь раньше как через две недели не будет в монастыре. Тогда я понял, что библиотека для меня закрыта... Я отпра-

¹ А. А. Дмитриевский. «Патмосские очерки», с. 63, прим.

² Н. Ф. Красносельцев. Византийский Временник, т. IV (1897), отд. 2, с. 596.

вился в монастырь св. Павла. Но неудача постигла меня и здесь. Уже привратник не хотел пускать в монастырь, говоря, что нет места для ночлега... Я приехал туда рано утром, но игумена не оказалось в монастыре, а без него мне ничего не могли сделать, ибо у него были ключи от библиотеки. Вечером приехал игумен, и я послал к нему свою патриаршую грамоту... На другой день утром я узнал, что игумен опять уехал, ничего не распорядившись относительно меня. Пришлось опять провести день томительного ожидания... В первый день, когда игумена не было дома, мне принесли обед и ужин, правда, скудный, состоящий из одного вареного риса. На другой день пришло время обеда, но мне уже ничего не подали... На следующий — следовательно, на третий — день игумен был в монастыре, и я, прождав напрасно утром, в полдень отправился к нему и стал просить впустить меня в библиотеку. Игумен отозвался, что у них нет книг, а вот-де в соседнем монастыре их много. Я ему возразил, что незадолго до меня занимался у них один мой земляк, и я слышал, что рукописей, особенно славянских, у них не мало; греческие же рукописи известны по каталогу Лампроса. Тогда он стал говорить, что у них нет никого, кто бы ввел меня в библиотеку, что они все заняты, и вдруг ушел, не сказав мне ничего определенного. Я возвратился в свое помещение, но, прождав еще несколько часов, решился опять идти к нему. На этот раз игумен... встретил меня сурово. Опять начались те же отговорки, что они все заняты, что некому со мною сидеть и т. п. Я объяснил ему, что я не могу, конечно, отрывать их от дела, но что я уже третий день сижу в монастыре и прошу теперь только хотя бы посмотреть мельком на библиотеку, и просил, не может ли он дозволить сделать это сегодня. На это последовал такой ответ: ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра... Здесь ничего больше не оставалось, как уехать. Неудача постигла меня и в Котломуше. В первый мой приезд ключ от библиотеки был в монастыре, но архимандрита не было дома; во второй — архимандрит был дома, но ключа не оказалось: библиотекарь-де уехал и ключ от библиотеки запер в своей келье». Впрочем, Истрина такое поведение святогорцев не особенно удивляет: от них, писал он, «много нельзя и требовать. Мы сами от этого ушли недалеко. Кто не знает, какого труда стоит пробиться в библиотеку Чудова монастыря в Москве? В последнее время совершенно невозможно... Что же требовать от афонских греков, в большинстве случаев грубых и необразованных, видящих в русских своих врагов и смотрящих на них только как на источник дохода»¹. Эти «огорчения» и трудности, которые приходилось переживать русским ученым на Афоне, явились следствием «русско-греческого пантелеимоновского процесса» в 1874—1875 году², который закончился победой русских монахов, отстаивавших свои права на основании документов. На Афоне стали бояться, что русские отберут и другие монастыри. «Возникло гонение на всякого рода свидетелей исторического прошлого монастырей: книги и архивные документы убираются в сырые подвалы для естественного их уничтожения, живописи соскабливаются, надписи переписываются, вещественные памятники выносятся в ризницу и делаются недоступными для постороннего наблюдателя, особенно русского происхождения. Всякий русский любознательный путешественник и ученый, интересующийся памятниками старины глубокой и посещающий афонские монастыри, как богатые музеи или хранилища их, в глазах владельцев с указанным прошлым есть соглядатай, быть может, даже подосланный от правительства агент его, который может напечатать и пустить добытые све-

¹ Отчет командированного за границу приват-доцента Московского университета Василия Истрина за вторую половину 1894 года. «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1896, XI, отд. 3, с. 35—39.

² А. А. Дмитриевский. Русские на Афоне. СПб., 1893 («Странник», 1892. IX, с. 75—96; X, с. 295—316).

дения в публику, донести их по начальству, а в конце концов выжить их из монастыря. С какой неохотой открывают двери своих библиотек, архивных хранилищ и скевофилакий афонские иноки и каких невероятных усилий русским ученым стоит проникнуть в них — мне нет надобности говорить здесь»¹, — свидетельствует со скорбью Дмитриевский по своему опыту в начале 90-х годов. Эта малая доступность афонских книгохранилищ для русских ученых побуждает Дмитриевского, после пятикратного посещения Святой Горы, «приветствовать уже созревшую мысль нашей Академии Наук снарядить на Афон... ученую экспедицию...» «Только коллективная совместная работа научно-подготовленных людей, целой ученой экспедиции, снабженной всеми средствами и рекомендациями, может рассчитывать на то, что перед ней отворятся заветные двери Карейского Прстата и скевофилакий главнейших афонских монастырей»².

Естественно, что Дмитриевский всегда с глубокой благодарностью вспоминает тех афонитов, которые оказывали ему внимание и помощь во время его занятий на Св. Горе, например, библиотекаря Пантелеимонова монастыря о. Матфея³.

Открытие Дмитриевским ценных материалов, не имевших, однако, непосредственного отношения к литургическим проблемам, им поставленным, множество интересных сведений, собранных им, и сильных впечатлений от поездок, особенно на Афон и Св. Землю, постоянно отвлекали его от того большого дела, которое обессмертило его имя, — издания «Описания литургических рукописей».

Так, например, кончина игумена Пантелеимонова монастыря Макария († 19 июня 1888 г.) вдохновила его взяться за перо в девятый день после нее и начать составление интересного, живо написанного очерка жизни покойного и в связи с нею истории русского монашества на Афоне в XIX веке и печальной распри между греческими и русскими иноками Св. Горы. Так возникла книга «Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Пантелеимонова монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина)», СПб., 1895⁴.

Хотя книга снабжена многими документами, отрывками из дневников и других записей, но ее популярный характер и некоторые другие дефекты не дали Дмитриевскому возможности получить за нее от академии Макарьевской премии⁵, что обострило его личные отношения с рецензентом, профессором Патрологии Константином Дмитриевичем Поповым⁶ и некоторыми другими профессорами академии, например, Николаем Ивановичем Петровым.

¹ «Патмосские очерки», с. 62. ТКДА, 1892, № 10, с. 387.

² В обстоятельной рецензии на книгу Ph. Meuser'a (которому удалось получить в Лавре те документы, в коих было отказано Дмитриевскому) «Die Haupturkunden für die Geschichte des Athosklöster», Leipzig, 1894, в «Византийском Временнике», III (1896) (с. 341—362), с. 361.

³ Русский самородок на Св. Афонской горе. Незабвенной памяти схимонаха Матфея, библиотекаря русского Пантелеимонова монастыря. «Сообщения Правосл. Палест. Общества», XXIII (1912), с. 122—142. Срав. X. М. Лопарев. † Схимонах Матфей. «Византийский Временник» (далее — ВВ), XX; IV, с. 355—358. А. А. Дмитриевский. Русские на Афоне. «Странник», 1892.

⁴ С двумя приложениями и двумя фототип. портретами афонских деятелей. 422 стр. + III. «Странник», 1892, II, с. 291—321; III, с. 508—531; IV, с. 680—701; V, с. 82—106; VI—VII, с. 266—296; VIII, с. 481—502; IX, с. 75—96; X, с. 295—316; XI, с. 506—518; 1893, III, с. 418—443; V, с. 64—94; 1894, VI—VII, с. 298—323; VIII, с. 501—520; IX, с. 93—120; X, с. 304—320; XI, с. 490—508; XII, с. 686—709; 1895, I, с. 112—123; II, с. 342—355.

⁵ Извлеченные за 1899/1900 г., с. 39, 42, 116—117, 157.

⁶ Его «крайне пристрастный и тенденциозный», придирчивый отзыв, писавшийся с 24 апреля 1897 г., см. в Извлечении за 1899/1900 г., с. 12—38. Протест Дмитриевского против постановления Совета — представления митрополиту Киевскому — там же.

Для актовой речи в 1892 году (26 сентября) Дмитриевский избирает не литургическую тему, что было бы вполне естественно, а наблюдения и впечатления от поездки на Патмос — «Иоанно-Богословский монастырь на острове Патмосе по сравнению с святогорскими монастырями идиоритмами»¹. Этот очерк, дополненный другими, составил книгу «Патмосские очерки. Из поездки на остров Патмос летом 1891 года», Киев, 1894². Содержание ее составляют история и описание Патмосских храмов и монастырей, история Патмосской академии, интересные описания церковной утвари и икон, рукописей типикарницы Иоанно-Богословского монастыря. Странное впечатление производит отсутствие упоминания о Патмосском списке Устава Великой Константинопольской церкви, если вспомнить, что поездка на Патмос была вызвана желанием ознакомиться с этой важной литургической рукописью. Книга заканчивается главой «Нравы и обычаи патмосских обитателей». Это сочинение удостоилось полной Макарьевской премии в 1000 рублей³.

Найдя во время поездки в Трапезунт в 1897 году интересные для истории Смутного времени мемуары Арсения, архиеп. Элассонского, скончавшегося в России архиепископом Суздальским († 1625), он прекратил печатание II тома «Описания», или, как он выразился в письме к своему учителю Красносельцеву, «перестал думать о нем», и занялся разработкой этих мемуаров. Появилась новая книга Дмитриевского «Архиепископ Элассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи Трапезунтского Сумелийского монастыря»⁴. Но попытка автора получить от академии Макарьевскую премию опять потерпела неудачу⁵.

Это постоянное разбрасывание Дмитриевского и отклонение от непосредственных литургических тем вызывало беспокойство и огорчение Красносельцева, который внимательно следил за научными занятиями своего талантливого ученика и делал попытки вернуть его к главному предмету его трудов. Дмитриевский с чувством благодарности говорил о том, что вся его «шестнадцатилетняя педагогическая и учено-литературная деятельность прошла под сильным влиянием незабвенного» Красносельцева, «который охотно и с полным сердечным участием делил... и горе и радости, выпадавшие на долю» Дмитриевского, «был единственным авторитетным советником во всех научных предприятиях и планах и самым строгим судьей всех уклонений в сторону с правой стези, им указанной». Так, Красносельцев не одобрял намерения Дмитриевского писать очерк «Русские на Афоне» и сурово осуждал его за выбор для актовой речи впечатлений от поездки на Патмос. Когда же Дмитриевский увлекся мемуарами Арсения, архиепископа

с. 117—132. Ответ Попова — там же, с. 133—157. Дмитриевский не остался в долгу и резко раскритиковал докторскую диссертацию Попова «Блаженный Днадох, епископ Фотики, и его творения» в статье «Опыт издания греческих церковных писателей древнейшего времени в русской патрологической литературе», напечатанной в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1904—1905, и опубликованной отдельно — СПб., 1904. Ср. разбор этой статьи в отзыве проф. М. Ястребова о сочинении Попова, получившем полную Макарьевскую премию в 1905 г. Извлечение за 1905/1906 г., с. 21—54.

¹ Из поездки на остров Патмос в 1891 году. ТКДА, 1892, XI, с. 326—492.

² ТКДА, 1892, XI, с. 326—492; 1893, III, с. 316—371; VI, с. 205—225; XII, с. 516—554; 1894, IV, с. 563—589. Ср. статью «Греческий палеограф И. Саккелион и его каталог патмосских рукописей» в «Библиограф. записках», 1892, IV, с. 253—259.

³ Отзыв проф. Н. В. Покровского, рассматривавшего это сочинение по поручению Учебного комитета при Св. Синоде. «К истории острова Патмоса». ХЧ, 1896, №№ 9—10, с. 406—415. Н. Ф. Красносельцев в ВВ, т. I (1894), с. 723—732.

⁴ Киев, 1899, 234 стр. Архиепископ Элассонский Арсений (Суздальский тож) и его вновь открытые исторические мемуары (с предисл.), ТКДА, 1898, I, с. 3—74; III, с. 345—372; IV, с. 559—595; V, с. 88—129; 1899, II, с. 268—299; IV, с. 613—638.

⁵ Отзыв проф. В. Завитневича в Извлечении за 1900/1901 г., с. 140—199.

Элассонского, и приостановил печатание II тома «Описания», то Красносельцев окончательно забеспокоился: «Весьма удручен я ожиданием Вашего Евхология и вообще сильно интересуюсь его скорейшим выходом... Об Евхологии Вы говорите, что «перестали о них думать». Ждать, следовательно, придется долго, а я не долготелен и едва ли доживу до этого времени... Мне подобает малиться, но Вы растете ли? Растете, конечно, но только рост Ваш, кажется, все более и более уклоняется в сторону от литургии. Очень Вы обяжали бы меня, если бы сообщили мне экземпляры беловых, напечатанных уже листов Евхологиона: я занялся бы ими во время путешествия, и это, может быть, было бы не бесполезно для Вас...» «Великий предсмертный урок незабвенного учителя!»,— говорил, вспоминая об этом, Дмитриевский в лекции, посвященной памяти Красносельцева¹. Однако в жизни он продолжал увлекаться другими темами. Например, для актов речи 1904 года Дмитриевский неожиданно выбирает тему из русской церковной истории, вероятно, в связи с трехсотлетием родной Астраханской епархии — «Приезд в Астрахань восточных патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского и связанное с ним учреждение здесь митрополии»².

В 1895 году вышел в свет главный «монументальный» литургический труд Дмитриевского «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. I. Τυπικά. Ч. I. Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские Типиконы»³. Из первых, т. е. патриарших уставов, в книге помещен почти полностью⁴

1) Устав Великой Константинопольской церкви (Τυπικόν τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας), IX—X века, по рукописи Патмосской библиотеки № 266, X века, скопированной автором в его поездку на Патмос в 1891 году⁵. Этот Типик дает изложение богослужения годового неподвижного и подвижного кругов.

В качестве дополнительного материала для истории константинопольского богослужения Дмитриевский поместил

2) Чин вечерни, утрени и литургии по Уставу Великой церкви (Τάξις γινομένη ἐν τῇ Μεγάλῃ Ἐκκλησίᾳ ἐπίτε τῷ ἐσπερινῷ, τῷ ὄρθρῳ (καί) τῇ θείᾳ καὶ ἱερᾷ λειτουργίᾳ) по рукописи XV века библиотеки русского Андреевского скита на Афоне⁶ и

3) Синайский канонарь (Κανονάριον) X—XI в. по рукоп. Синайской библиотеки № 150 X—XI в.⁷, ошибочно⁸ отнесенной Дмитриевским к памятникам Константинопольского Устава.

¹ Незабвенной памяти проф. Н. Ф. Красносельцева. ТКДА, 1899, I, с. 100—101.

² ТКДА, 1904, III, с. 317—358. Ср. его же «К трехсотлетнему юбилею Астраханской епархии (Житие и подвиги первого архиепископа Астраханского Феодосия)», там же, 1903, V, с. 145—171.

³ Киев, 1895, SXLVII+912+XXV стр., в количестве 400 экз. Рецензия проф. Н. Красносельцева — ВВ, IV (1897), с. 587—615. «Издание должно составить целую эпоху в истории православной литургической науки».

⁴ Например, опущен указатель новозаветных чтений.

⁵ «Описание», I, с. 1—163; V—VIII. Эта рукопись была кратко описана И. Саккеллионом в его «Πατριακή βιβλιοθήκη», Афины, 1890. Извлечения из нее были напечатаны в монографии Н. Ф. Красносельцева, который пользовался копией А. А. Дмитриевского: Типик св. Софии в Константинополе IX в., Одесса, 1892 («Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете», II, Визант. отд. в Одессе, 1892, с. 156—254).

⁶ Там же, с. 164—172. В русском переводе был напечатан в книге «Современное богослужение на Правосл. Востоке», вып. 1, Киев, 1891, с. 44—54.

⁷ Там же, с. 172—221; VIII—XI. Впервые открыт и опубликован в «вольном изложении» на русский язык архимандритом Антонином (Капустинным): «Древнейший канонарь Синайской библиотеки», ТКДА, 1874, II, с. 189—216; 458—495.

⁸ Никакой ошибки в данном случае не было. См. об этом у Дмитриевского в Τυπικά, ч. I, л. VIII—X.— Н. У.

Во втором отделе I тома *Τυπικά* помещены ктиторские типиконы восточных и западных греческих монастырей. Он начинается духовными завещаниями основателей монастырей и их ктиторов. Из завещаний и выработались Типиконы. В *Τυπικά* помещены три завещания:

4) Завещание преп. Саввы Освященного своему преемнику игумену Мелиту — *Τύπος καὶ παράδοσις καὶ νόμος τῆς σεβασμίας λαύρας τοῦ ἁγίου Σάββα* —¹ по рукописям Синайского монастыря № 1096, XII—XIII вв., и № 531, XV века.

5) *Ἰποτάτωσις οὗν Θεῶν καταστάσεως τῆς εὐχεσεστάτης μονῆς τῶν Στουδίου* приписываемый преп. Феодору Студиту, по рукописи Ватопедской библиотеки № 322/956, XIII—XIV вв.², и развитие его.

6) *Ἡ διατύπωσις τοῦ ὁρίου καὶ μακαρίου πατρὸς ἡρῶν Ἀθανασίου* по рукописи библиотеки Иверского монастыря на Афоне 754/228, XVI в.³, так как рукописи Афонской Лавры оказались недоступными для Дмитриевского⁴.

За этими «завещаниями» Дмитриевский поместил в «Описании» «ктиторские Типиконы», регулировавшие богослужение и жизнь константинопольских монастырей, построенных императорами, императрицами, патриархами и знатными придворными вельможамн. Их ряд начинается

7) впервые опубликованный Типикон (*Συναξάριον*) Богородичного Евергетидского монастыря — *τῆς εὐαγούδς μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Ἐβεργέτιδος*, — составленный между 1143—1158 гг., по рукописи библиотеки Афинского университета № 788, XI—XII в., занимающий 400 стр. текста «Описания»⁵. Этот типикон отличается от других литургийной частью, в основу которой, по мнению Дмитриевского, был положен Устав Великой церкви.

8) Впервые опубликованный Типикон Пандократорского монастыря, данный имп. Иоанном Порфирородным в 1137 г. по рукописи библиотеки Халкинской школы № 85, 1749 г.⁶

9) Типик Константинопольского монастыря св. муч. Маманта, данный Георгием Мистиком в 1159 г., по рукописи № 85, 1749 года, Халкинской школы⁷ и сходный с ним.

10) Типик Малоазийского Богородичного монастыря *τῶν ἁγίων Βωρῶν. ἤτοι τῶν Ἐλεγκῶν*, составленный его ктитором, опекуном имп. Михаила Комнена Никифором Мистиком, по рукописи Патмос-

¹ «Описание», с. 222—224. Впервые напечатано с русским переводом во II приложении к «Путешествию по Востоку» — «Киновиальные правила преп. Саввы Освященного, врученные им пред кончиною преемнику своему игумену Мелиту (Вновь открытый памятник аскетической письменности 524 года)», с. 171—193. ТКДА, 1890, I, с. 170—192. Срав. Что такое *καλῶν τῆς ψαλμωδίας* (так нередко упоминаемый в жизнеописании преп. Саввы Освященного)? «Руков. для сельских пастырей», 1889, № 38, с. 69—75. «Правила» перепечатаны К. Курцием в «Byzantinische Zeitschrift», III (1894), S. 167—170.

² Там же, с. 224—238; XII—XXXI; в русск. пер., напр., в «Истории Русской Церкви» Голубинского, I, 2, с. 671—679.

³ Там же, с. 238—256; XXXI—XXXIII. В сокращенном виде в русском переводе опубликован архим. Антошином «Заметки поклонника Св. Горы», Киев, 1864, с. 173—182, 199—212 (ТКДА, 1862, V, с. 225—234, 251—264).

⁴ Они использованы Филиппом Мейером в «Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster». Leipzig, 1894. Там же, с. XXXII—XXXIII.

⁵ Там же, с. 256—656; XXXIII—LIII. «Малозвестный Константинопольский монастырь XI столетия Богоматери Евергетидской и его ктиторский Типик, хранящийся в рукописи Афинского национального университета». ТКДА, 1895, VII, с. 421—443.

⁶ Там же, с. 656—702; LIII—XCIV. Пандократорский Константинопольский монастырь XII в. и его Типик, данный имп. Иоанном Комненом, ТКДА, 1895, VIII, с. 537—585. Срав. доклад Дмитриевского в Церковно-археологическом обществе при КДА в 1895 г. «О византийских монастырях Пандократорском и Евергетидском» — «Отчет церковно-археологического общества за 1895 г.», с. 20.

⁷ Там же, с. 702—715; XCIV—XCV. Частично был издан проф. Ф. И. Успенским — «Типик монастыря св. Маманта в Константинополе», Одесса, 1892.

ской библиотеки № 265, 1162 года, с вариантами Типика Мамантовского монастыря¹.

11) Типик монастыря св. Михаила Архангела на горе св. Авксентия в Халкидоне, данный имп. Михаилом VIII Палеологом, по рукописи № 85 Халкинской школы².

Том I «Описания» заканчивается отделом, посвященным 9 греческим типиконам, хранящимся в западных библиотеках (Рим, Турин, Вена, Крипта-Феррата)³. Из них 8 — сводные Уставы для греческих италийских монастырей (например, Калабрийского Николо-Казулянского монастыря), компилятивные, разделяющиеся на две группы или редакции, составленные на «основании преданий свв. отец — преп. Саввы Освященного, преп. Феодора Студита, ...но большею частью на основании практики Святогорского Устава»⁴, 9-й типик — ктиторийско-греко-униатского Богородичного Крипта-Ферратского монастыря. Для истории Восточного Типикона этот памятник не представляет особого интереса. Эту группу Типиконов в западных библиотеках Дмитриевский изучал во время двукратного путешествия по Италии, занимаясь поисками «чистого» Студийского Устава, так как западные литургисты, напр., о. Тосканини⁵, а за ним и русские (И. Мансветов, архиепископ Сергий) говорили о «7 экземплярах Студийского Устава, употреблявшегося в монастырях италийских и сицилийских».

Дополнением к I тому «Описания» являются две статьи Дмитриевского, в которых он, пользуясь новым найденным им рукописным материалом, вносит исправления и дополнения в изданные им типиконы: *Τυπικὰ* (Addenda et corrigenda)⁶. Автор сообщает о найденных им в 1896 году в Национальной библиотеке в Париже втором списке Типика Пандократорского монастыря, XVIII века (Fond 389), обозначенного в каталоге библиотеки, как Типик имп. Иоанна Палеолога, и подлиннике Типикона Мамантовского монастыря (Suppl. 92). В этой же статье автор сообщает подробности об униатском Типиконе 1595 г. Казангенской библиотеки, № 1249 (в Риме).

Том I «Описания» был представлен автором в качестве докторской диссертации в его родную Казанскую академию. Рецензенты — доц. В. Нарбеков и архим. Антоний — признали большую научную ценность этого издания и поставили его «по громадной важности» для Литургики наряду с многотомным трудом митр. Макария по Русской церковной истории (архим. Антоний)⁷. Дмитриевский был удостоен степени доктора Церковной истории в 1896 году⁸. В конце 1896 года Сове-

¹ «Описание», с. 715—769; ХCV—XCIX. Малоазийский Богородичный монастырь τῶν Ἁγίων Βασίλων XII века и его Типик, находящийся в библиотеке Патмосского монастыря, ТКДА, 1895, X, с. 308—313.

² Там же, с. 769—794; XCIX—CVI. Срав. рецензию Дмитриевского на брошюру М. Гедеоны — Μ. Γ. Γεδεών. *Μιχαὴλ τοῦ Παλαιολόγου Τυπικόν τῆς ἐπὶ τοῦ βουνοῦ τοῦ Αὐξεντίου σεβασμίας μονῆς Μιχαὴλ τοῦ Ἀρχαγγέλου*. Константинополь, 1895, — ВВ, III, (1895), с. 150—154.

³ Там же, с. 795—912; CVI—CXLII. Западные, так называемые ктиторийские или студийские Типиконы, ТКДА, 1895, с. 633—679. Срав. доклад «О студийских ктиторийских Типиконах в западных библиотеках». (Отчет Церковно-археологического общества при КДА за 1895 г., с. 20.)

⁴ «Описание», т. I, с. CXL.

⁵ Ad Typica Graecorum ac praesentim ad typicum cryptoferratense S. Bartholomaei abbatis animadversiones. Roma, 1864.

⁶ ТКДА, 1896, № 12, с. 527—545.

⁷ Отзывы довольно поверхностные и общие.—Протоколы КазДА за 1896 г., с. 263—300.

⁸ По Уставу духовных академий «представлялись» авторами только магистерские диссертации. Степень доктора присуждалась по «представлению» профессоров академии. А. Дмитриевский опубликовал I том «Описания», и его Alma Mater в лице В. Нарбекова и архим. Антония представила его к достоинству степени доктора. Совет академии удостоил его этой степенью в 1895 г. (Сcurriculum vitae... ГПБ, фонд 253, карт. 1-й).— Н. У.

том Киевской духовной академии Дмитриевский был избран, по представлению профессоров И. Малышевского, В. Певницкого и С. Сольского, сразу же ординарным профессором, миновав экстраординатуру (с 29 ноября) ¹.

Теперь переходим ко второму тому «Описания», увидевшему свет через 6 лет после первого, — 'Ευχολόγια. Киев, 1901 ². Этот том является продолжением знаменитого в истории Литургики труда доминиканца Якова Гоара 'Ευχολόγιον и оправдывает усвоенное Дмитриевскому имя «русского Гоара».

«Мы решились,— пишет автор,— повторить работу Гоара, но в более широких границах и на основании изучения восточных книгохранилищ, и исполнить ту задачу, о которой мечтал покойный наш ученый Преподобный Порфирий Успенский... Нам хотелось дать в руки специалистов — литургистов и начинающих лишь разработку вопросов по истории православного богослужения такой 'Ευχολόγιον или такой сборник рукописных материалов, относящихся к данной богослужебной книге и разбросанных по многочисленным и весьма нередко отдаленным от центров просвещения восточным книгохранилищам, личное посещение коих для одних затруднительно, а для других положительно невозможно, который бы (сборник) избавил их от существующих трудностей и открыл бы им возможность работать в данной области вполне научно и самостоятельно» ³.

Действительно, этот том «Описания», вместе с другими частями этого капитального труда, принес огромную пользу как студентам, писавшим кандидатские сочинения на историко-литургические темы в Киевской и других духовных академиях, так и ученым литургистам — русским и вообще православным, для которых он является настольной книгой до нашего времени. Трудом Дмитриевского пользуются и инославные литургисты.

Преимущество по научной ценности труда Дмитриевского перед Гоаровым Евхологием видно хотя бы уже из того, что ученый доминиканец использовал рукописи только западных книгохранилищ, те рукописи, которые находились в употреблении у итальянских греков. Из восточных манускриптов Гоар пользуется лишь Барбериновым кодексом VIII—IX в., кодексом Bessagionis XI в. Гротта-Ферратской библиотеки и чинном литургии Василия Великого 1041 г. (единственным точно датированным памятником у Гоара). Проф. Дмитриевский же в своем труде дает описание 162 рукописей с IX по XVI в., с определенными датами, из восточных библиотек, нескольких евхологиев из СПб. Публичной библиотеки (из собрания архим. Антонина Капустина) и одного евхология 1027 г. из Парижской Национальной библиотеки (№ 213). Из этого числа только одна рукопись — XIII века Синайской библиотеки, № 966, — западного происхождения. «По недостатку материальных средств» (как больно читать эти слова!) Дмитриевскому пришлось отказаться от напечатания более 40 приготовленных к изданию евхологиев, большую часть принадлежащих западным книгохранилищам.

Тот же недостаток денежных средств, отпущенных Синодом на печатание «Описания», вынудил Дмитриевского отложить «на некоторое время» предположенное им для предисловия этого тома «Описания» свое критическое исследование Гоарова Евхология и ограничиться некоторыми примечаниями о погрешностях его текста при описании Евхология 1027 г. Парижской Национальной библиотеки. Работа же Дми-

¹ Извлечение за 1896/97 г., с. 70—71, 95.

² XII+1058 стр. Рецензии — И. Соколова, ВВ, VIII (1901), с. 592—599; ХЧ, 1902, XI, с. 747—752.

³ «Описание», II, с. III.

триевского о Гоаре и его Евхологии до сего дня остается в рукописи. К сожалению, пользование «Описанием» представляет трудности, так как оба тома не имеют указателя. Намеченный к изданию Π α τῶν ἐν τοῖς Ἐυχολογίοις περιεχομένων никогда не увидел света по той же печальной причине — из-за материальных затруднений¹.

Этот злой рок приостановил после выхода II тома печатание дальнейших частей этого исключительно важного собрания литургических памятников.

Материалы для следующих томов — III — Типиконы Иерусалимский Саввинский, современный Афонский и дополнения к Типику Великой церкви (до 70 печ. лл.) и IV — Евхологий — остальные греческие и южнославянские тексты (до 60 печ. лл.) — были рассмотрены особой академической комиссией в составе прот. И. Королькова, проф. К. Попова и доц. А. Булгакова. Согласно ее отзыву, Совет академии 18 октября 1902 г. постановил ходатайствовать перед Синодом об ассигновании средств на печатание этих томов в количестве 400 экз.² Но, очевидно, благоприятного решения не последовало, так как очередной том «Описания» вышел только через 16 лет на средства Православного Палестинского Общества, на службе которого в то время состоял Дмитриевский. Это — том III (первая половина Τυπικῆ, ч. II, Петроград, 1917)³.

Из «скорбного листка» («Вместо предисловия») видно, какие трудности приходилось преодолевать Дмитриевскому, чтобы собранный им на Востоке и Западе литургический материал, и то не весь, увидел бы свет. Издание обрывается на полуслове⁴. Этот том состоит из трех частей. Первая⁵ содержит Иерусалимский Саввинский Типикон в редакциях: Иерусалимской (5 рукоп.), Иерусалимско-Константинопольской (116 рукоп.), Синайской (3 рукоп.), Трапезунтской (4 рукоп.), Сербско-Болгарской (по 7 рукоп.) и старопечатной венецианской редакции XVI—XVIII веков.

Во второй части⁶ описаны 19 типиконов Святогорских (Афонских) и приведена выписка с интересным чином литии в Неделю Ваий в Синайском монастыре. Кроме того, сделаны дополнения к отдельным типиконам из описанных выше.

Третья часть (всего 2 стр.!)⁷ начинается списком Типикона Великой церкви по рукописи X—XI в. Крестного монастыря в Иерусалиме, № 40, с которой познакомил литургистов А. И. Пападопуло-Керамевс⁸. Выпуская этот том в незаконченном виде в 1917 году⁹, Дмитриевский предчувствовал, что на появление окончания его капитального труда в печати «надеяться отчаянно». «Увидят ли Божий свет, при жизни автора «Описания», материалы, относящиеся к греческому Евхологию, особенно собранные в библиотеках римских — Барбериновской и Гротта-Ферратской, над которыми трудился великий литургист XVII века, монах Ордена прединаторов Яков Гоар, сильный критический разбор «Евхология» коего предполагается сделать в предисловии к четвертому тому «Описания», и будут ли опубликованы материалы для югославянского Евхология, собранные в библиотеках Синая, Афона и

¹ «Описание», т. III, предисл., с. VIII.

² Извлечение за 1901/02 г., с. 111—112, 164—166; 1902/03 г., с. 217—219.

³ VIII+VIII+768+IV стр. В типографии Киришаума.

⁴ Срав. судьбу 1-й части (616 стр.) II полутома II тома «Истории Русской Церкви» Е. Е. Голубинского, вышедшей в свет в 1917 г. благодаря энергии С. Белокурова.

⁵ Op. cit., с. 1—508.

⁶ Там же, с. 509—765.

⁷ Там же, с. 766—768.

⁸ См. ниже. Этот материал является дополнением к т. I «Описания», с. 1—163.

⁹ Предисловие датировано.

других мест, из коих некоторые погибли уже в огне, все это ведомо Единому Богу»¹, — писал он².

В 1924 году Дмитриевский, сообщая о своих работах редакции нового журнала по Византологии — *Byzantion*, указывает, что только отсутствие материальных средств лишает его возможности опубликовать вполне готовые к печати томы IV и V «Описания».

По его сообщению, т. IV содержит материалы Евхология греческого, западных библиотек: Национальной в Париже, Гротта-Ферратской и Барбериновой. В этом же томе содержатся проверенные тексты кодексов, которыми пользовался Гоар, — римской библиотеки *Casapatensis*, Амвросиевой в Милане, венецианской и неаполитанских, — а также восточные рукописи библиотек Дионисиата, Иверского монастыря, Иерусалимского метоха в Константинополе и монастыря Перистера около Трапезунта.

Т. V «Описания» содержит южнославянские материалы библиотек Зографа, Хиландаря и св. Павла на Афоне, собрания архим. Антонина (Капустина), Синайского монастыря и Григоровича в Одессе. Дмитриевский отмечает, что часть этих рукописных подлинников (напр., монастыря св. Павла) сгорела³. На совещании русских византологов, созванном 14 ноября 1924 г. представителем редакции *Byzantion*'а, Дмитриевский понимает вопрос о напечатании этих ценных материалов⁴.

От незаконченного «Описания» переходим к отдельным литургическим памятникам, открытым Дмитриевским во время его путешествий по Востоку.

Ему принадлежит честь открытия и введения в научный оборот литургистов драгоценного памятника Александрийской Церкви IV века так называемого Евхология — сборника 30 молитв св. Серапиона (Сарапиона) Тмуитского († 358), современника и друга св. Афанасия Великого, Александрийского, и преп. Антония Великого.

Дмитриевский нашел этот Евхологий в рукописи X—XI века Лавры св. Афанасия Афонского (№ 149/29 в шкафу В) — 'Ευχὴ προσφῶρου (анафора) Σαραπίωνος ἐπισκόπου и Προσευχαὶ Σαραπίωνος ἐπισκόπου Θροῦσεως (молитвы Евхаристические, при хиротонии и разные благословения). Эта рукопись в свое время была в руках Арсения Суханова, но почему-то не попала в Москву. Дмитриевский опубликовал этот Евхологий с русским переводом и введением, но без комментариев, в «Трудах КДА»⁵.

В первое же свое путешествие по Востоку в начале 1888 года во время занятий в библиотеке Крестного монастыря, незадолго до того перевезенной в Патриаршую библиотеку в Иерусалим, Дмитриевский нашел «Последование богослужения Страстной и Пасхальной седмиц в Иерусалиме» (Διάταξις τῆς ἱερᾶς ἀκολουθίας τῶν Ἱεροσολύμων κατὰ τὴν μεγάλην ἑβδομάδα καὶ τὴν διακαινῆσιμον κατὰ τάξιν τῆς ἁγίας Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν Ἀναστάσεως) в приложении к неизданной рукописи (1801 г.) «Священной истории» (история Иерусалима и Палестины) иерокирикса архимандрита Максима Симео. Симео уверял, что это «Последование» переписано из «пергаменной весьма древней рукописи» 1122 года «без какой-либо прибавки или опущения». Дмитриевский, по его словам, не

¹ Op. cit., с. VIII.

² Типикон Великой церкви по ркп. б. Крестного монастыря в Иерусалиме № 40, X века (критическое издание) опубликован в двух томах с комментариями — «Le Typicon de la Grande Eglise ms. Saint Croix № 40, X siècle... par Juan Mateos...». Издатель — Pont. Institutum Orientalium Studiorum. Roma, 1963.— Н. У.

³ *Byzantion*, I (1924), с. 722.

⁴ Там же, I (1924), с. 717, 720.

⁵ 1894, II, с. 242—274 и отдельно. Рецензия проф. А. Павлова (с поправками некоторых мест изданного текста) — ВВ, I, с. 207—213. Красносельцев Н. — «Летопись Историко-филологического Общества при Новороссийском университете», IV (1894), с. 127—128.

мало потратил труда и времени на справки о месте нахождения подлинной рукописи 1122 года, которую, к сожалению, не мог отыскать в ту пору в библиотеке Иерусалимского Крестного монастыря, весьма тщательно им пересмотренной, при помощи и благосклонном содействии почти всего наличного состава профессоров существовавшей тогда при этом монастыре богословской школы. Своими поисками и расспросами он возбудил интерес и оживленные толки в среде образованного иерусалимского духовенства к судьбе исчезнувшей и в то время, можно сказать, полузабытой рукописи¹, которая содержала весьма ценный материал по истории древнего иерусалимского богослужения в первой половине X века.

Интересно, что находка Дмитриевским этого важного литургического памятника по времени почти совпала с открытием в 1887 году итальянским профессором Г. Ф. Гамурини «*Peregrinatio ad loca sancta*» западной паломницы Этерии (по догадке первого издателя — Сильвии Аквитанки), которая подробно описала богослужение в Иерусалиме в конце IV века.

Греческий текст «Последования» с русским переводом и ценным научным аппаратом в виде многочисленных (свыше 130) исторических, литургических, археологических и топографических примечаний стал печататься Дмитриевским почти сразу по его возвращении в Россию в казанском «Православном собеседнике»², а потом вышел отдельной книгой — «Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц в Св. Иерусалиме IX—X вв.», Казань, 1894³, за которую автор получил от академии полную Макарьевскую премию в 1000 руб.⁴ Кроме отдельных чинов, находящихся в самой рукописи (напр., литургии Преждеосвященных Даров и полной литургии св. Иакова, брата Господня, освящения мира, умовения ног), автор, пользуясь огромным свежим литургическим материалом, собранным им, дополнил в примечаниях изданный им памятник отдельными текстами и целыми чинами из других рукописей. Например, он издал чин *Τριδέκτη ἐν ταῖς νηστεύαις* по ркп. IX—X в. Синайского монастыря № 957 (прилож. 1), песненное вечернее последование по ркп. Патриаршей Иерусалимской библиотеки⁵; чин литургии св. Иакова по двум рукописям Синайской библиотеки (прил. 2)⁶ и последование «панихиды» по ркп. Александрийской Патриаршей библиотеки (Каирской) XIV в. № 104 (прил. 4).

Однако с изданием текста памятника, над которым Дмитриевский работал несколько лет, ему не посчастливилось. Сначала Дмитриевский⁷ не поверил, что переписчик рукописи Симео значительно «поновил» (*ἀναλώως*) в своей копии древний памятник, отступая от его текста, так как переписчик заверял, что «Последование» переписано «без какой-либо поправки и опущения», но все-таки, как уже указывалось выше, Дмитриевский приложил все усилия, чтобы найти подлинник. О его существовании ему было известно из книги ученого архимандрита Вениамина Иоаннидиса, который по этому «Последованию» издал чин получения св. огня в Великую субботу. «Я усиленно

¹ Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц в Св. Иерусалиме IX—X в., Казань, 1894, Послесловие, с. 421.

² В приложении: 1888, 7; 1889, 3, 10; 1890, 2, 4, 8; 1891, 2—3, 5—6, 7—8, 9; 1892, 1, 2, 3, 6—7, 8, 9; 1893, 12; 1894, 5—6, 7, 8, 10.

³ 16+426+XVI стр. Рецензии: Красносельцева в ВВ, 1895, с. 632—655; Лашкарева в Извлечении за 1895/96 г., с. 73—78.

⁴ Там же, 1894/95 г., с. 107; 1895/96 г., с. 78—80, 94—95.

⁵ Это ркп. Иерусалимской Патриаршей библиотеки, XVI в., № 635 (305), см. «Описание», т. III, № XCIX, с. 375 и 756.— Н. У.

⁶ Это ркп. Синайской библиотеки, XII в., № 1040 и XIII в., № 1039. См. «Богослужение...», с. 262 и 269.— Н. У.

⁷ СИППО, XXIV (1913), с. 383—384.

старался среди лежавших в беспорядке рукописей Саввинской библиотеки отыскать древний оригинал, но все мои поиски оказались тщетными, безрезультатными»¹. По поручению Патриарха Никодима в то время рукописи Патриаршей библиотеки описывал известный труженик по описанию и изданию греческих рукописей, в том числе и литургических памятников, Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс (1856—18 октября 1912)². Сначала у Дмитриевского сложились с ним довольно хорошие отношения, но потом, когда Пападопуло узнал о находке «Последования» и о поисках Дмитриевским оригинала, он из научной ревности резко переменял свое отношение к молодому русскому литургисту и всячески старался затруднять его работу, так что Дмитриевскому не оставалось другого выхода, как обратиться за содействием к самому Патриарху. «Мне не хотелось бы брать на свою душу греха и говорить с уверенностью, что Афанасий Иванович припрятал эту ценную рукопись для себя, но не могу скрывать, что эта мысль приходила мне в голову неоднократно, и факты как бы давали основание для нее. Афанасий Иванович усиленно старался отвлечь мое внимание в сторону, называя имена лиц из святогробского духовенства, которые якобы интересовались этой замечательной рукописью и, по его предположению, могли взять ее для пользования из библиотеки»³, хотя потом оказалось, что эти сведения не подтвердились. «Рукопись находилась в Иерусалиме»⁴. Во время печатания «Богослужения Страстной и Пасхальной седмиц в Св. Иерусалиме» Дмитриевскому стало известно, что Пападопуло-Керамевс нашел искомую пергаменную рукопись (№ 43, 1122 г., Иерусалим. патр. 6-ки). В скором времени она была издана Пападопуло-Керамевсом довольно небрежно и неудовлетворительно в научном отношении на средства Православного Палестинского Общества в сборнике «'Ανάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας», который вышел в свет за несколько месяцев до книги Дмитриевского. Получив во время ее печатания корректурные листы «'Ανάλεκτα», Дмитриевский убедился, что копия Симео была поновлением и приближением трудно читаемой рукописи к «живому современному языку». Ему пришлось признать, что его издание «естественно должно ступеваться пред изданием Палестинского Общества». Однако, сразу же обнаружив некоторые дефекты последнего, он сговорился в послесловии, что «вопрос времени и дело научной критики решить, какое из двух чтений (Симео или Пападопуло-Керамевса) правильное, и, быть может, эта последняя выскажется, по крайней мере в некоторых случаях, не в пользу чтений и поправок г. Пападопуло-Керамевса»⁵. Однако издание Палестинского Общества принял под свою защиту Красносельцев⁶, что вызвало оживленную переписку между ним и Дмитриевским. Последний в 1898 году посетил еще раз Иерусалим и «дважды, слово в слово, от начала до конца» сверил текст «'Ανάλεκτα» с подлинником. Им были обнаружены недостатки и ошибки этого издания, о которых он написал

¹ Там же.

² Впоследствии приват-доцент СПб. университета и заведующий богословским отделением Публичной библиотеки. О нем см., напр., Дмитриевский — А. И. Пападопуло-Керамевс и его сотрудничество в научных изданиях Палестинского Общества (СИПО (XXIV), 1913, с. 374—388, 492—523); Лопарев Хр.—Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс (ВВ, XIX (1912), отд. 2, с. 188—212) (здесь и библиография его многочисленных трудов); некролог в «Церковном вестнике», 1912, № 49, с. 1563—1565; Дмитриевский — А. И. Пападопуло-Керамевс. 'Ιεροσολυμιτικῆ βιβλιοθήκη, т. V. Пгр., 1915, с. 5—14 (и предисловие, с. 1—4); список трудов, составленный В. Н. Бенешевичем, там же, с. 605—641.

³ СИПО, 1913 (XXIV), с. 384.

⁴ Там же.

⁵ «Богослужение», с. 420—422.

⁶ ВВ, II (1895), с. 636—639.

обстоятельную критическую статью¹, резкость² которой становится понятной, если принять во внимание неудачу Дмитриевского и обман его Пападопуло-Керамевсом. Эта критическая статья составляет первую главу нового литургического труда Дмитриевского, изданного им к 25-летию его научной деятельности, и посвящена памяти Красносельцева — «Древнейшие патриаршие Типиконы Святогробской Иерусалимской и Великой Константинопольской церкви. Критико-библиографическое исследование», Киев, 1907³.

В последней (4-й) главе Дмитриевский приводит новые материалы для истории Типикона Великой церкви и сообщает о новой своей находке.

Как известно, один список Типикона в рукописи X в. Патмосской библиотеки № 266, принадлежавший небрежному, безграмотному писцу, был открыт Саккелионом и издан Дмитриевским в его «Описании», т. I, в 1895 году.

Второй список того же Типика, XI века, был найден в Иерусалимской патриаршей библиотеке «недругом» Дмитриевского — А. И. Пападопуло-Керамевсом, который описал его⁴ и вдохновил византологов Н. Ф. Красносельцева и Д. Ф. Беляева на изучение его в Иерусалиме в 1894 году и обстоятельные статьи⁵, однако самый памятник не был издан.

Третий, наиболее полный, список X—XI в. был открыт в сентябре 1896 года Дмитриевским в рукописи Дрезденской королевской б-ки № 104 (140)⁶, которая была принесена с Афона из Ставроникитского монастыря в Москву Арсением Сухановым, а потом, через 100 лет, из Московской синодальной библиотеки была похищена проф. Маттеи и продана им в 1788 г. в Дрезденскую королевскую б-ку. В своем труде⁷ Дмитриевский описывает этот список Типика. Важность его и преимущество перед первыми двумя состоит в том, что он дает не только подробное описание богослужения в св. Софии и других цареградских храмах и монастырях, но содержит описание церемоний, выходов императора и его свиты для участия в процессиях и торжественных богослужениях. Этот материал дает возможность сравнивать, объяснять и контролировать придворный Устав Константина Багрянородного (*De ceremoniis aulae Byzantinae*). Однако и этот список Устава, который, вероятно, и не предназначался для церковного употребления, Дмитриевскому не удалось издать, так как II том «Τυπικόν» (1917) не был напечатан полностью.

Открытие списков Типикона Великой Константинопольской церкви имело большое значение не только для церковно-археологической и литургической науки. «Ни придворный устав, ни другие памятники не дают более или менее полного понятия о той степени развития богослужебных форм, которой они достигли в Византии в IX—X вв. после иконоборческих волнений, в эпоху нового расцвета византийского цар-

¹ ТКДА, 1900, IX, с. 58—117.

² Напр., «не без материальных выгод утилизирует свой годами накопленный сырой материал», «попадает со своими изданиями в комическое положение», допускает «простую игру в ученость».

³ 352+XV стр. Сначала печаталась в ТКДА; 1900, IX, с. 58—117; 1901, I, с. 34—86; IX, с. 49—88; XII, с. 519—587; «Новые данные для истории Типикона Великой церкви Константинопольской», там же, 1902, XII, с. 505—545; 1903, IV, с. 587—634; XII, с. 511—515. Рецензия проф. Н. И. Соколова — «Журнал Мин. Народного Просвещения», 1911, VIII, с. 300—332.

⁴ «Ιεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη, τ. γ'. СПб., 1897, σελ. 89—90.

⁵ Красносельцев в «Летописи Историко-филологического общества при Новороссийском университете (визант. отдел)», т. VI (1896), с. 329—344. Беляев. Новый список древнего Устава константинопольских церквей, ВВ, III (1896), с. 427—460.

⁶ Подробности в книге «Древнейшие патриаршие Типиконы Святогробской Иерусалимской и Великой церкви Константинопольской», Киев, 1907.

⁷ Там же.

ства и всех его элементов, в эпоху частых столкновений с Русью, а потом мирных религиозных и культурных воздействий Византии на Русь... Для истории богослужения вообще и для русского в особенности полная и точная картина богослужения в Константинополе... существенно необходима. Весьма важны точные и ясные литургические и церковные указания как для археолога вообще, так особенно для археолога, занимающегося изучением придворного быта, участия царя и всего его синклита в церковных празднествах и торжествах, составлявших, по условиям и характеру того времени, весьма видную сторону жизни царя и чинов... Список константинопольского церковного устава имеет не только ограниченное значение для истории церковного устава и богослужения, но весьма важен и для топографии и статистики церквей и монастырей в Константинополе в IX веке, а потому представляет большой интерес не только для литургистов и церковных археологов, но и для археологов — византинистов вообще»¹.

Огромный материал, собранный Дмитриевским в книгохранилищах Востока и Запада, но полностью не изданный, его не удовлетворил, скорее вызвав даже некоторое разочарование, «ввиду поразительной бедности рукописных данных древнейшего времени в этих книгохранилищах, весьма необходимых для характеристики богослужения в период времени до X—XI веков. Беспокойная мысль исследователя не хочет остановиться перед печальной действительностью и окрыляется надеждой найти необходимые данные для истории богослужения в этот некраткий и доселе мало освещенный период состояния Церкви Православной в рукописных данных иных народностей — сирийцев, армян, грузин, коптов, из коих некоторые долгое время находились в живом духовном общении с своею Матерью — Церковью Греческой и, испытав на себе ее влияние, сохранили многое из ее ритуала, а другие и доселе еще живут с нею единой неразделенной жизнью, отличаясь лишь языком»². Указав этот правильный метод для изучения древнего богослужения, сам Дмитриевский, однако, не воспользовался им. Его знакомство с рукописным литургическим преданием негреческого Востока, за исключением, конечно, славянского, было ограничено и, строго говоря, даже невозможно, из-за незнания восточных языков. Он не мог собирать эти материалы и их разрабатывать, подобно проф. В. В. Болотову, филологически чрезвычайно сильно вооруженному в его эортологических работах. Правда, Дмитриевский указал проблему и вооружил научным методом своих учеников. Имею в виду прот. К. Кекелидзе, начавшего свою деятельность с описания грузинских литургических рукописей в отечественных книгохранилищах и нашедшего грузинскую версию Иерусалимского Типикона в VII—VIII веке, которая заполнила пустоту в несколько веков между «*Peregrinatio ad loca sancta*» Этерин (вероятно, конец IV века) и Иерусалимским «Последованием Страстной и Пасхальной седмиц» (вероятно X века). На эту драгоценную находку своего ученика Дмитриевский отозвался статьей «Древний Святогробский Иерусалимский Устав и содержащаяся в нем служба праздника Рождества Христова в Вифлееме»³. Он с большим удовлетворением констатировал подтверждение этим памятником высказанной им в «Древнейших патриарших Типиконах» мысли о существовании Святогробского патриаршего Типикона и о его влиянии на практику не только Константинопольской, но и других Церквей, совершенно независимо от того, имел ли найденный прот. К. Кекелидзе Канонарь практическое применение в Грузии.

¹ Проф. Д. Беляев. Новый список древнего Устава константинопольских церквей. ВВ, III (1896), с. 429—430.

² Извлечение за 1903/04 г., с. 309—310.

³ СИППО, 1913 (XXIV), с. 34—48.

Дмитриевский прекрасно понимал, что собранный им материал и его разработка им самим и его учениками явно недостаточны. Перед русскими литургистами еще впереди огромная задача «привести в известность все наличное литургическое письменное достояние». В «Описании» изданы Дмитриевским тексты или их описания, которые находятся в «важнейших библиотеках Православного Востока. Настанет затем неотложная нужда в научном описании литургических рукописей небольших библиотек Греции, Македонии, островов Архипелага и Средиземного моря. И как знать, что в этих библиотеках не будут найдены весьма ценные в научном отношении литургические рукописи или важные евхологические фрагменты... Далее наступит такая же неотложная необходимость изучать литургические рукописи и западных библиотек: Рима и его окрестностей, Неаполя, Флоренции, Венеции, Милана, Турина, Парижа, Мадрида, Лондона, Эдинбурга, Берлина, Мюнхена, Дрездена и других западных культурных центров», где находится большое количество восточных рукописей. Например, в Барбериновой библиотеке, перемещенной в Ватиканскую, имеется до 50 греческих евхологиев. «Рукописные собрания земель югославянских и наши отечественные, за исключением, быть может, Московской синодальной библиотеки и Соловецкой в Казанской дух. академии, также остаются еще не только не изученными, но даже совершенно не описанными или описанными весьма кратко. Следовательно, пока эта первоначальная, черновая работа не будет закончена, думать о критическом сравнении и установлении евхологического текста не только преждевременно, но и легкомысленно. На эту предварительную, черновую, но весьма необходимую работу потребуются, конечно, впереди не один, еще десятки лет и напряжение многих самоотверженных тружеников, какими литургическая наука все же далеко не богата», — писал Дмитриевский в 1909 году¹.

Неутомимый Дмитриевский находил время выступать с публичными докладами и лекциями, откликаясь на современные животрепещущие темы², особенно касавшиеся дорогой ему Литургии. В этих популярных лекциях виден огромный научный багаж Дмитриевского. К этой серии его трудов надо отнести следующие «чтения»:

1) «Недостатки современного церковно-религиозного воспитания и причины, их породившие».

2) «Книга Требник и ее значение в жизни православного христианина (по поводу новейших воззрений на эту книгу)».

Кошунственное похуление Л. Н. Толстым литургии в «Воскресении» вызвало «чтение»

3) «Служебник — книга таинственная (по поводу суждений о ней в новейшей художественной литературе)»³.

Подвижному зортологическому кругу посвящены такие лекции:

4) «Триодь Постная — училище благочестия (О посте)»⁴.

5) «Триодь Постная — училище благочестия (О покаянии и молитве)»⁵ и читанный впоследствии уже в Петербурге доклад

6) «Триодь Цветная — песнь милующей и торжествующей любви»⁶.

Похищение чудотворной Казанской иконы Божией Матери в Каза-

¹ Отзыв о сочинении проф.-прот. М. И. Орлова «Литургия св. Василия Великого. Первое критическое издание», СПб., 1909, в «Сборнике отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Акад. Наук», IV, СПб., 1912, с. 198—200.

² Так, напр., в «Церковном вестнике», 1912, с. 1910—1920 «В Бозе почивший митрополит СПб. Антоний и его славянофильские воззрения».

³ ТКДА, 1903, X, с. 188—219.

⁴ Там же, 1904, V, с. 1—49.

⁵ Там же, 1905, III, с. 428—444.

⁶ 13. III и 2. IV. 1915. «Церковные ведомости», 1913, № 14, с. 658—670; № 15—16, с. 702—712.

ни в 1904 г. побуждает Дмитриевского «в утешение и ободрение скорбящим об утрате святыни» прочитать 22 октября 1904 г. доклад «В честь какой иконы Божией Матери установлен праздник 22 октября?»¹

Занимаясь разработкой проблем исторической литургики, Дмитриевский не забывал и практического ее применения. Так, например, вдохновляемый архиеп. Сергием (Ланниным)², он собирает свои статьи, помещенные под заглавием «Чинопоследования хиротоний и хиротесий с объяснениями» в «Руководстве для сельских пастырей», и издает книгу «Ставленник». Руководство для священно-церковно-служителей и избранных в епископа, при их хиротониях, посвящениях и награждениях знаками духовных отличий, с подробными объяснениями всех обрядов и молитвословий», Киев, 1904³, награжденную Макарьевской премией по отзыву проф. В. Певницкого⁴. Эта книга Дмитриевского значительно превосходит подобного рода руководства богатством историко-литургических и практических сведений, полезных для ставленников, начиная с чтецов, подробным (около половины книги) описанием епископской хиротонии и ее истории, объяснением обрядов и молитв, главным образом, на основании литургических творений блаж. Симеона Солунского. Дмитриевский подробно объясняет происхождение и символику церковных облачений.

Плодотворна была и академическая деятельность Дмитриевского. Ему, профессору Литургики и Церковной археологии, приходилось, конечно, читать лекции и по последнему предмету, но естественно, приняв во внимание всю его научную деятельность и интересы, что главное внимание и вдохновение профессора относилось к Литургике. В своем преподавании он следовал историческому методу. В качестве иллюстрации его взглядов на характер лекций по Литургике в высшей духовной школе приведем его замечания на существовавшую в 1896 году печатную программу их. «Необходимо обратить,— писал он,— более серьезное внимание на историю богослужебных книг, употребляемых в современной богослужебной практике. Это не только главные источники данной науки, но и регуляторы современного богослужения. Всестороннее изучение исторической судьбы наших церковно-богослужебных книг, следовательно, настоятельно необходимо для питомцев наших академий... По моему мнению, лучше всего историю этих книг выделить в особую часть, которую я назвал «прикладной литургией», и дать этому отделу самую широкую постановку. Намеченные мною рубрики... представляют... полную и верную критику исторической судьбы, по крайней мере, важнейших богослужебных книг, как, например, Типикона, Служебника, Архиератикона, Требника и др. на основании новых научных данных, частью уже обнаруженных, а частью имеющих появиться в свет в самом непродолжительном будущем»⁵.

Перед уходом в отставку в 1907 году Дмитриевский, оглядываясь на пройденный им 23-летний путь профессорской деятельности в академии, писал: «Горячо любя от дней юности... православную Литургику и со всей страстью и горячим увлечением преданный всестороннему изучению этой церковно-практической дисциплины, важнейшей, по моему мнению, в круге академических богословских наук, я, при помощи Божией и упорной настойчивости, успел за указанный период своей профессорской деятельности, могу не обинуясь и смело это за-

¹ ТКДА, 1905. VII, с. 188—219.

² Архиеп. Ярославский, † 5. VIII. 1904. Некролог в «Церковных ведомостях», 1904, № 23, с. 1253.

³ XIII+343 стр.

⁴ Извлечение за 1905/06 г., с. 54—78, 79—80.

⁵ Извлечение за 1896/97 г., с. 113—114.

явить, поставить преподавание этой науки на подобающее ей почетное место в Киевской академии, пробудить интерес к ней в своих молодых слушателях — питомцах академии и своими печатными трудами содействовать серьезной научной разработке Литургики как у нас в России, так и на Западе»¹.

Действительно, как уже указывалось, открытие Дмитриевским многих чрезвычайно важных для истории православного богослужения литургических памятников и введение их в научный оборот оплодотворило и оживило литургическую науку не только в России, но и дало и западным литургистам ценный материал. «Описание» Дмитриевского стало настольной книгой не только русских литургистов².

Но более того, Дмитриевский создал свою литургическую школу. Он выпестовал двух профессоров — своих преемников по кафедре Литургики и Церковной археологии — прот. В. Д. Прилуцкого (вып. 1907 г.) и Н. Н. Пальмова (вып. 1897 г.). Кроме них, Дмитриевский довел до магистерской степени еще четырех своих учеников — видных русских литургистов — А. З. Неселовского (вып. 1890 г.), прот. М. А. Лисицына (вып. 1897 г.), Е. П. Дьяковского (вып. 1899 г.), грузинского протоиерея К. С. Кекелидзе (вып. 1904 г.)³. К ученикам Дмитриевского — литургистам принадлежат и талантливый профессор Киевской духовной академии М. Н. Скабалланович⁴, по некоторым вопросам исторической Литургики полемизировавший со своим учителем (вып. 1896 г.), В. Барвинок (вып. 1905 г.) и епископ Аккерманский Гавриил (Чепур) (вып. 1896 г.)⁵.

Дмитриевскому охотно писали кандидатские сочинения. Их автор вдохновлял пламенный энтузиазм их учителя, который охотно снабжал их собранными, но еще часто неопубликованными материалами.

Приводим список этих «курсовиков».

В 1886 году

Добронравов Михаил⁶

«Книга Стоглав, как литургический памятник, и значение постановлений Стоглавого Собора в истории богослужения в Русской Церкви»⁷.

Вишневецкий Михаил⁸

«Критико-библиографическое обозрение книги Гоара 'Ευχολόγιον' которым почти всю жизнь занимался и сам Дмитриевский.

Орлов Михаил¹⁰

«Исторический обзор чинопоследования таинства Брака»¹¹.

¹ Извлечение за 1906/07 г., с. 541.

² В настоящее время «Описание» А. Дмитриевского переиздано в ФРГ фототипическим способом. — Н. У.

³ Впоследствии академик Грузинской Академии Наук. — Н. У.

⁴ Проф. М. Скабалланович не писал у А. А. Дмитриевского ни магистерской диссертации, ни даже кандидатской и, таким образом, не являлся его учеником. Более того, Дмитриевский не соглашался и не одобрял метода работы проф. Скабаллановича, считая его лишенным историчности. Когда я по своей неопытности позволил себе в кандидатском сочинении «Происхождение чина агриппии, или всеошного бдения, и его составные части» ссылаться на «Толковый Типикон» проф. Скабаллановича, то Алексей Афанасьевич в своем отзыве по этому поводу писал, что проф. Скабалланович ненадежный руководитель для начинающего литургиста. — Н. У.

⁵ О всех их см. ниже.

⁶ Инспектор Тифлисской духовной семинарии (1903).

⁷ Извлечение за 1885/86 г., с. 212—214.

⁸ Протоиерей, настоятель киевской Благовещенской церкви (1910).

⁹ Извлечение за 1885/86 г., с. 218—221.

¹⁰ Впоследствии архим. Макарий, помощник инспектора МДА.

¹¹ Извлечение за 1885/86 г., с. 214—218.

В 1887 году

Крикунов Александр¹

«Службник и Требник Львовского епископа Гедео́на Балабана» (пользовался, между прочим, и рукописными материалами Дмитриевского)².

Кроме того, на близкие к Литургике темы писали проф. Голубеву:

Попов Иван

«Патриарх Никон в деле исправления богослужебных книг и церковных обрядов». (Проводится мысль, что справщики пользовались новыми греческими печатными книгами.)

Попович Константин

«Патриарх Иерусалимский Софроний как богослов, оратор и песнописец».

В 1888 году литургических кандидатских сочинений не писалось из-за заграничной командировки Дмитриевского.

В 1889 году

Парфеньев Андрей

«Св. Иоанн Дамаскин как проповедник и песнописец»³.

В 1890 году

Буйницкий Иван⁴

«Чинопоследование таинства Елеосвящения»⁵.

Левитов Николай

«Историко-археологический очерк церковно-богослужебных сосудов»⁶.

Неселовский Афанасий⁷.

«Чины поставления в нерархические степени»⁸.

В 1891 году

Булгаков Николай

«Последования покаяния в Греческой Церкви (историко-археологический очерк)»⁹.

Каминский Илари́й

«Чины великого и малого водоосвящения (историко-археологический очерк)»¹⁰.

В 1892 году

Делекторский Александр

««Проскинитарий» Арсения Суханова как литургический памятник и его значение в истории богослужения в Русской Церкви»¹¹.

В 1893 году

Дмитровский Николай

«Ктиторские монастырские Типиконы и их литургическое и церковно-историческое значение»¹².

¹ Преподаватель Минской семинарии.

² Извлечение за 1886/87 г., с. 176—178.

³ Неудовлетворительно. Извлечение за 1888/89 г., с. 271—285.

⁴ Смотритель Оршанского дух. училища (1917).

⁵ Извлечение за 1889/90 г., с. 230—233.

⁶ Там же, с. 259—262.

⁷ См. ниже.

⁸ Извлечение за 1889/90 г., с. 266—269. Переработано в магистерское сочинение.

⁹ Извлечение за 1890/91 г., с. 263—268.

¹⁰ Там же, с. 297—299.

¹¹ Там же, 1891/92 г., с. 161—164.

¹² Там же, 1892/93 г., с. 158—161.

Колтоповский Александр

«Служебник Петра Могилы (историко-археологическое исследование)»¹.

Шевелев Федор²

«Чинопоследования освящения храмов»³.

В 1894 году

Колесников Антоний

«Чинопоследования освящения мира и омовения ног, совершаемые в Великий четверг (историко-археологический очерк)»⁴.

В 1895 году

Данилевский Самуил

«Службы Страстной седмицы (историко-археологическое исследование)»⁵.

Никольский Иван

«Чинопоследование погребений (историко-археологический очерк)»⁶.

Новоселецкий Сергей

«Богослужебные одежды (археологическое исследование)»⁷.

В 1896 году

Чепур Григорий⁸

«Типикон Великой Константинопольской церкви (исторический очерк)»⁹.

В 1897 году

Лисицын Михаил¹⁰

«Церковный Устав в Русской Церкви с принятия христианства по XIV в. включительно (критико-библиографический очерк)»¹¹.

Пальмов Николай¹²

«Чинопоследование пострижений в монашество (историко-археологическое исследование)»¹³.

В 1898 году сочинений не было.

В 1899 году

Диаковский Евфимий¹⁴

«Последование часов и изобразительных»¹⁵.

Добротин Валентин

«Чинопоследование вечернего богослужения»¹⁶. (Подробно о проблеме песенной вечерни.)

¹ Извлечение за 1892/93 г., с. 171—175.

² Оставлен проф. стипендиатом по кафедре Литургики на 1893/94 г., там же, 1892/93 г., с. 314; 1893/94 г., с. 330—331. Шевелев изучал 'Ευχολόγιον Гоара и его отношение к трудам Бунзева и Свайнсона, ознакомился с житием Феодора Едесского как источником для истории богослужения в IX в. и собрал богатый рукописный материал для дальнейших работ.

³ Там же, 1892/93 г., с. 290—292. Сочинение премировано, там же, 1893/94 г., с. 88.

⁴ Там же, 1893/94 г., с. 233—237.

⁵ Там же, 1894/95 г., с. 214—215. Часть работы опубликована — Данилевский С. Св. Плащаница и обряды, совершаемые над нею Русской Церковью в последние два дня Страстной седмицы. ПС, 1896, II, с. 250—274, III, с. 356—380.

⁶ Извлечение за 1894/95 г., с. 257—259.

⁷ Там же, с. 259—263.

⁸ Впоследствии епископ (с 1909 г.) Аккерманский, затем Челябинский Гавриил. Характеристика его у архим. Киприана — Тема о человеке и современность. «Православная мысль», вып. VI, Париж, 1948, с. 125—126.

⁹ Извлечение за 1895/96 г., с. 294—297.

¹⁰ († 3. VI. 1918), протоперей. См. ниже.

¹¹ Извлечение за 1896/97 г., с. 211—216. Переработано в магистерское сочинение.

¹² См. ниже.

¹³ Извлечение за 1896/97 г., с. 230—232. Переработано в магистерское сочинение.

¹⁴ См. ниже.

¹⁵ Извлечение за 1898/99 г., с. 168—171. Переработано в магистерское сочинение.

¹⁶ Там же, с. 171—180.

Стежинский Николай

«Архиерейский Чиновник в издании Габерта (критико-библиографический этюд)»¹.

В 1900 году сочинений не было.

В 1901 году**Кошиц Александр²**

«Монастырские обиходники XVI—XVII веков и их значение в истории Церковного Устава (исторический очерк)»³.

Лисковский Николай

«Чинопоследование утреннего богослужения (историко-археологическое исследование)»⁴.

Черноуцан Николай

««Новая скрижаль» архиепископа Нижегородского Вениамина (критико-библиографический очерк)».

В 1902 году**Русанов Михаил**

««Историческое, догматическое и таинственное изъяснение на литургию» И. И. Дмитриевского (критико-библиографический очерк)».

Скворцов Николай

«Пасхальная седмица (историко-археологическое исследование)».

Фаддеев Феодор

«Исправление богослужебных книг до времени Патриарха Никона».

Иваницкий Михаил

«Типы Христа и Богоматери в древнехристианской и византийской живописи»⁵.

В 1903 году**Бриллиантов Леонид**

«Чинопоследования обручения и венчания»⁶.

Никольский Леонид⁷

«Афонская живопись (историко-археологический этюд)»⁸.

Ярмолюк Василий⁹

«Молитвы в первый день по рождении дитяти и при наречении ему имени. Чин воцерковления дитяти. Оглашение (исторический очерк)»¹⁰.

В 1904 году**Кекелидзе Корнилий¹¹**

«Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение»¹².

¹ Там же, с. 288—291. Разбор Архператикона и его observations и сравнение его с греческим венецианским 1714 г. и Московским Чиновником 1721 г.

² Преподаватель Киевской дух. сем. (1910).

³ Извлечение за 1900/01 г., с. 339—350. Тема, поставленная Мансветовым и Дмитриевским (см. тезис 4 диссертации).

⁴ Там же, 1900/01 г., с. 360—363.

⁵ Извлечение за 1901/02 г., с. 289—292.

⁶ Там же, 1902/03 г., с. 302—306.

⁷ Преподаватель учебно-иконописной мастерской Комитета попечительства о русской иконописи в слободе Борисовке.

⁸ Извлечение за 1902/03 г., с. 358—364. Он посетил Афон летом 1903 г. вместе с Дмитриевским.— Ср. Дмитриевский. Фрески Георгиевского параклиса 1423 г. в Свято-Павловском монастыре на Афоне и их значение в истории афоно-византийской и русской иконописи. СИПЮ XIX (1908), с. 563—583 и отдельно — СПб., 1909, 21 стр. Никольский Л. Исторический очерк афонской стеной живописи, с. 1—122. Приложение к вып. I Иконописного сборника, СПб., 1907. Рецензия В. Р—ова, ТКДА, 1908, III, с. 403—409.

⁹ Протоиерей, смотритель Уральского дух. училища.

¹⁰ Извлечение за 1902/03 г., с. 430—433.

¹¹ См. ниже.

¹² Извлечение за 1903/04 г., с. 306—317. Переработано в магистерское сочинение.

Попов Митрофан

«Арсений Суханов и его «Проскинитарий»»¹.

Сташевский Евгений

«Порфирий Успенский как путешественник на Православный Восток»².

В 1905 году

Левицкий Иван

«Службы Рождества Христова и Богоявления (историко-археологический очерк)»³.

Поройков Николай⁴

«Октоих Иоанна Дамаскина как опыт православной церковной догматики»⁵.

В 1906 году

Алфавитов Сергей

«Страдания и смерть Иисуса Христа по песнопениям Страстной седмицы»⁶.

В 1907 году

Прилуцкий Василий⁷

«Частное богослужение в Русской Церкви в XVI и первой половине XVII в.»⁸

Кудрявцев Леонид

«Архимандрит Антонин Капустин как деятель Православия на Востоке и как византолог»⁹.

Заметное уменьшение числа кандидатских работ по Литургике в 1905—1907 годах объясняется, конечно, ненормальным ходом академических занятий в первую русскую революцию. Но, кроме того, осенью 1906 г. Дмитриевский уезжает в Петербург для участия в работах «Высочайше учрежденного Особого Присутствия при Святейшем Синоде для разработки подлежащих рассмотрению на Поместном Соборе вопросов» — так называемого Предсоборного Присутствия. Протоколы заседаний его общего собрания и отделов (I — о Соборе и преобразовании центрального церковного управления и V — по вопросам духовной школы)¹⁰ сохранили взгляды и высказывания Дмитриевского, который для выяснения некоторых вопросов канонического права и церковной практики привлекал хорошо известные ему литургические материалы — византийские и древнерусские¹¹. Он занимал довольно консервативную позицию, высказываясь, например, за избрание епархиальных архиереев одними епископами. Если же они желают утверждения их выборов областным митрополитом, а не императором, то им придется отказаться от саккоса, большого омофора, митры (короны) и мантии с источниками и других внешних богослужебных отличий, ко-

¹ Извлечение за 1903/04 г., с. 361—363.

² Там же, с. 384—387.

³ Там же, 1904/05 г., с. 361—370.

⁴ Преподаватель Гомилетики и соседних предметов в Киевской дух. сем. (1916).

⁵ Извлечение за 1904/05 г., с. 406—408.

⁶ Извлечение за 1905/06 г., с. 381—386. Неудовлетворительно. Извлечение за 1906/07 г., с. 119—124.

⁷ Протоиерей, профессор, преемник Дмитриевского по кафедре Литургики. См. ниже.

⁸ Извлечение за 1906/07 г., с. 437—440. Переработано в магистерское сочинение.

⁹ Там же, с. 424—427.

¹⁰ Журналы и протоколы заседаний Предсоборного Присутствия, т. I—IV, СПб., 1907.

¹¹ Например, там же, т. III, с. 19—21, 48—49, 61, 64, 66—67, 70—71, 110—112, 132, 140—141, 184—185, 187—188 (протест против характеристики религиозного церемониала византийского двора «кошунственной переделкой» богослужения), 195—196, 217—219 (о чине поставления церковного судии), 219—220, 316—317.

торые получены от византийского императора и на которые они, как духовные пастыри Православной Церкви, не имеют законного права¹.

Находясь в Петербурге, Дмитриевский принимает деятельное участие в Православном Палестинском Обществе, исполняя обязанности его секретаря (с 20 ноября 1906 г. до конца января 1907 г.). Весной 1907 года Дмитриевский опять едет в Петербург и продолжает занятия в Обществе (с апреля 1907 до 10 сентября 1907 г.), которые подготавливают его уход из академии и вообще с духовно-учебной службы.

Осенью 1907 года исполнилось 23-летие службы Дмитриевского в академии. За это он получает звание заслуженного ординарного профессора², но в скором времени (27 ноября 1907 г.) подает прошение об увольнении его в отставку, мотивируя это желанием перейти на предложенную ему должность секретаря Православного Палестинского Общества и принести свои богатые знания, накопленные во время путешествий по Востоку, «благу Православной Церкви ради русского народа, от начала христианства до наших дней испытывающего неодолимое стремление к паломничеству ко св. местам Православного Востока»³.

Возможно, что на этот шаг Дмитриевского, весьма прискорбный для русской литургической науки, повлияли его немирные отношения с некоторыми профессорами, борьба направлений в профессорской среде, но главным мотивом все-таки было очередное увлечение Дмитриевского, который уже с первого своего путешествия по Востоку близко принимал к сердцу нужды русского паломничества в Св. Землю и историческую деятельность Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине. Этим темам посвящен целый ряд статей Дмитриевского⁴. 25-летнему юбилею Общества он посвятил особую книгу⁵. После перехода на службу Общества Дмитриевский пишет в «Сообщениях Общества» статьи по вопросам, интересующим это почтенное Общество, и, главным образом, некрологи о его деятелях и благодетелях⁶.

¹ Там же, т. III, с. 110—112.

² Извлечение за 1907/08 г., с. 142—143, 223.

³ Там же, с. 192—193, 223—224.

⁴ Например, Православное русское паломничество на Западе (г. Бари), ТКДА, 1897, I, с. 99—132; II, с. 211—237. Современное русское паломничество в Св. Землю, там же, 1903, VI, с. 274—319. Русские афонские монахи-келлоты и их просительные письма о милостыне, рассылаемые по России, там же, 1906, X, с. 67—107; XI, с. 298—360. Русские учебно-воспитательные, благотворительные и странноприимные заведения в Палестине и Сирии, там же, 1907, V, с. 89—120. Два дня в молитве за царя и весь русский народ на Святой Руси и на Православном Востоке, там же, 1907, XII, с. 507—553. Иконная и книжная лавка на «Русских постройках» в Иерусалиме, СИППО, XVIII (1907), с. 279—299. Державные защитники и покровители Св. Земли и августейшие паломники (доклад 21 марта 1907 г. в Петергофском дворце), там же, с. 422—430. Извлечение из исторической записки Православ. Палест. Общества за первые 25 лет его существования, там же, с. 42.

⁵ XXV, Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882—1907). Историческая записка. Вып. 1. Русские учреждения в Св. Земле до 1889 года, СПб., 1907, (332 стр.).

⁶ Например, граф Н. П. Игнатъев, как церковно-политический деятель на Православном Востоке († 20. VI. 1908), СИППО, XX (1909), с. 84—101, 378—398, 522—563. Памяти члена Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о игумена Парфения, убиенного на горе Елеонской, там же, XX (1909), с. 228—308. Памяти Архиепископа Синайской Горы и Раифы Порфирия Павлидиса (некролог), там же, XXI (1910), с. 155—161. Памяти Б. П. Мансурова, там же, XXI (1910), с. 446—457. Свобода совести в православной Сирии при новом младо-турецком режиме (Аз-Забеданский инцидент по личным впечатлениям и воспоминаниям), там же, XXI (1910), с. 581—593. Незабвенной памяти архиепископа Казанского Никанора (Каменского), там же, XXII (1911), с. 126—139. Памяти... великой княгини Александры Иосифовны, там же, с. 617—627. Памяти... митрополита С.-Петербургского Антония, там же, XXIII (1912), с. 547—554. Справ.: В Бозе почивший митрополит С.-Петербургский Антоний и его сношения по делам церковным с Православным Востоком. ПС, 1914, IV, с. 598—606; В, 920—931; В Бозе почивший митрополит С.-Петербургский Антоний и его славянофильские воз-

С этого времени до революции Дмитриевский, хотя и продолжает работать над литургическими проблемами, но все-таки главное его внимание поглощено огромными задачами, стоявшими перед Палестинским Обществом. Правда, он делает попытки вернуться обратно на академическую службу, но, к сожалению для русской литургической науки, безуспешно.

Так, через три года после отставки он хочет вернуться в Киевскую духовную академию и соглашается баллотироваться на кафедру греческого языка. Он избирается Советом единогласно 14 июня 1911 года и утверждается Синодом¹, но через полтора месяца эта кафедра в Киевской академии закрывается согласно «Высочайше одобренным в 29 день июля 1911 года изменениям в действующем Уставе духовных академий». В заявлении на имя ректора академии Дмитриевский пишет, что он «мог бы ходатайствовать о предоставлении ему кафедры Литургики или Церковной археологии», так как «Изменения» разделили эти предметы, «но по изменившимся весьма серьезным обстоятельствам семейного и служебного характера утрудить Совет новыми своими ходатайствами не признает благовременным»². Осенью 1911 года у Дмитриевского возникает мысль о кафедре Церковной археологии в связи с Историей христианского искусства в СПб. дух. академии. Это дало бы ему возможность совместить профессию с обязанностью секретаря Палестинского Общества. Однако он был забаллотирован Советом академии, получив 8 избирательных и 10 неизбирательных шаров, после дебатов, в которых против его кандидатуры высказались профессор Литургики И. А. Карабинов и прот. М. И. Орлов. Аргументами против знаменитого литургиста приводились ими «недостатки в его докладах на Археологических съездах» (Карабинов), короткий срок оставшейся Дмитриевскому службы. Они указывали, что подготовка профессора археологии может быть выполнена имеющимся в академии крупным авторитетом в этой области проф. Н. В. Покровским (прот. М. И. Орлов)³.

Карабинов расходился с Дмитриевским во взглядах на некоторые основные проблемы, например, о происхождении Устава Великой Константинопольской церкви, о Студийском Уставе.

Однако, несмотря на эти неудачи возвращения на академическую службу, Дмитриевский за свои капитальные труды и издания литургических текстов избирается почетным членом всех четырех духовных академий. Сначала его избирает после выхода его в отставку Киевская академия в 1907 г.⁴ За ней следуют Казанская в 1912 году⁵, Петербургская⁶ и Московская в 1914 году⁷.

Еще раньше, в 1903 году (29 декабря), проф. Дмитриевский был избран членом-корреспондентом Академии Наук по Отделению русского языка и словесности и стал выполнять научные поручения Академии. Вероятно, в связи с этим избранием он поместил в «Известиях

зрения, «Церковные ведомости», 1912, № 47, с. 1910—1920 (речь в СПб. Славянском благотворительном Обществе). Памяти И. С. Пономарева, там же, XXV (1914), с. 225—257, 408—435. Памяти М. А. Петровой, там же, XXVI (1915), с. 205—216. Его Имп. Высочество в. кн. Константин Константинович — паломник Св. Земли, XXVI (1915), с. 408—416. Сельский пастырь — восторженный почитатель Св. Земли и щедрый жертвователь на ее нужды. Незабвенной памяти о. прот. П. П. Затворницкого, XXIV (1913), с. 1, 60—88. Новоизбранный Архиепископ Синайской горы и Раифы Порфирий (Логофет) и его приезд в Киев, XV (1904), с. 323—332.

¹ Извлечение за 1910/11 г., с. 726—728; 1911/12 г., с. 4.

² Там же, 1911/12 г., с. 103—104.

³ Журналы Совета СПб. духовной академии за 1911/12 г., СПб., 1913, с. 87—90.

⁴ Извлечение за 1906/07 г., с. 240—241, 263, 283—284.

⁵ Протоколы КазДА, 1912, с. 238—240.

⁶ Журналы Совета СПб. ДА за 1913/14 г., с. 201, 215—216.

⁷ Журналы Совета МДА за 1914 г., с. 593, 711.

Отделения русского языка и словесности» (1904—1905) критический разбор диссертации проф. К. Д. Попова «Блаженный Диадох, епископ Фотики, и его творения» в статье «Опыт издания греческих церковных писателей древнейшего времени в русской патрологической литературе»¹.

В 1909 году Дмитриевский рецензирует труд проф.-прот. М. И. Орлова «Литургия св. Василия Великого. Первое критическое издание», СПб., 1909, представленный Академии Наук на соискание Ахматовской премии². В своем пространном отзыве, который почти в два раза больше «Вводных сведений» труда Орлова, Дмитриевский кроме основательной критики его и вскрытия недостатков метода и ошибок, попутно дает новые и чрезвычайно ценные сведения по истории богослужбных книг, например, по истории Архиерейского Чиновника в России в XVII веке³, о Служебнике патр. Антиохийского Макария, на который ссылается предисловие к Никонову Служебнику 1655 года и который, как показал Дмитриевский, является копией арабского перевода патр. Евфимием II (1634) греческого Евхология венецианской печати⁴. В отзыве Дмитриевского дана история венецианских изданий греческого Евхология, в основу которых положено римское издание 1526 года, и указано их влияние на позднейшие греческие издания, юго-западные славянские и на работу никоновских правщиков⁵.

Дмитриевский не мог не коснуться и своей любимой темы, которая особенно заняла его внимание во время его работы над т. II «Описания» и которую он разрабатывал и после революции, — критики Гоаровского Евхология⁶.

В противовес оптимистической оценке состояния русской Литургии, данной дилетантом в литургической области прот. Орловым, Дмитриевский, опираясь на свой богатейший опыт по собиранию литургического рукописного предания, ярко формулирует те задачи, которые требуют огромного труда от русских литургистов по собиранию материала, его классификации и изданию отдельных рукописей⁷. Только после этих предварительных работ явится возможность критических изданий отдельных чинов, только тогда возможно научное осуществление замысла Орлова.

В 1910/11 году Академия Наук поручает Дмитриевскому вместе с его учеником проф.-прот. М. Лисицыным подготовку критического издания Алексеевского Устава по ркп. № 330 Москов. Синод. б-ки, с вариантами по другим 7 спискам того же Устава⁸.

¹ И отдельно — СПб., 1904.

² Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Имп. Академией Наук, IV, Отчеты за 1909 г., СПб., 1912, с. 176—347.

³ Там же, с. 182—196.

⁴ Там же, с. 217—231. См. его же статью «Антиохийский Патриарх Макарий и его мнимые литургические труды. К описанию арабских рукописей Публичной библиотеки в собрании архим. Антонина Капустина» — СИПГО, XXI (1910), № 1, с. 3—17. Срав. статью проф. Г. А. Муркоса «О службе Антиохийского Патриарха Макария, находящемся на Афоне» — «Древности Восточные. Труды Восточной Комиссии Московского археологического общества», М., 1896, I, вып. 2, с. 113, 117.

⁵ Там же, с. 235—259. Срав. доклад Дмитриевского в Об-ве любителей древней письменности 11 февраля 1911 г. «О венецианских изданиях греческого Евхология XVI—XIX вв. (библиографические замечания)», ХЧ, 1911, V, с. 657, 658, прим. Срав. его же доклад в «Обществе Нестора Летописца» (I, V, 1894) — «Новые данные по исправлению богослужбных книг в Москве в XVII и XVIII вв.» — «Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца», IX, Киев, 1895, отд. I, с. 30. Доклад в Киевском Церковно-историческом Об-ве в 1893 г. «Служебник Московский 1655 г. и его последующая судьба (по неизданным материалам)».

⁶ Там же, с. 178—179.

⁷ Там же, с. 198—200.

⁸ Лисицын М. Первоначальный славяно-русский Типикон. Историко-археологическое исследование, СПб., 1911, с. 208, прим. 80.

К Дмитриевскому, как наиболее авторитетному русскому литургисту, обращаются за отзывами и с поручениями другие ученые общества.

Например, в 1907 году Общество истории и древностей российских (при Московском университете), действительным членом которого он состоял с 13 марта 1904 г., просило его дать отзыв о сочинении директора Московского археологического института А. И. Успенского «Чинопоследование таинства Елеосвящения по русским и славянским Требникам» и принять на себя наблюдение за его печатанием в «Чтениях Общества»¹.

По поручению Св. Синода Дмитриевский участвует в Синодальной комиссии по исправлению славянского текста богослужебных книг².

В 1914 году он приглашается сверхштатным членом Училищного Совета³, и ему поручается⁴ рассмотрение работы директора Московского синодального училища А. Д. Кастальского по изложению псалмодий нотным распевом, под заглавием «Образцы распевного чтения молитв, тропарей и проч.»

В 1912 году Дмитриевский откликается на издание проф. В. Н. Бенешевича «Описание греческих рукописей Синайского монастыря, составленное Порфирием Успенским», СПб., 1911⁵. Это драгоценное книгохранилище было ему хорошо известно.

Он продолжает участвовать и в Археологических съездах. На XV съезде в Новгороде в 1911 году он читает доклад «Новгородские шапки-митры»⁶. Этой же церковно-археологической теме посвящен и этюд «Архиерейская митра»⁷.

Среди многочисленных работ Дмитриевского по палестиноведению особый интерес для литургиста имеет живое общедоступное описание праздничного богослужения и церковных обычаев на Востоке, главным образом, в Св. Земле. Оно является как бы продолжением труда Дмитриевского, начатого в 1891 году, — «Современное богослужение на Православном Востоке» (вып. 1).

Книга «Церковные торжества в дни великих праздников на Православном Востоке с русскими паломниками по Святой Земле и на Афонской горе. Ч. I. Очерки, заметки, наблюдения и впечатления», СПб., 1909⁸, составилась из статей Дмитриевского в «Сообщениях Православного Палестинского Общества», в «Руководстве для сельских пастырей» и из изданий в виде брошюр:

1. Праздник Рождества Христова в вертепе Вифлеемском⁹.
2. Праздник Богоявления Господня на реке Иордан и в Иерусалиме¹⁰.
3. Праздник Сретения у гробницы праведного Симеона в Катамоне близ Иерусалима¹¹.

¹ Протоколы заседаний Общества истории и древностей российских за 1907 год (в «Чтениях Общества», 1908, I, с. 12, 16).

² «Церковные ведомости», 1913, №№ 18—19, Приб., с. 798.

³ Краткий список лицам, служащим по ведомству Православного исповедания, на 1916 г. Пгр., 1916, с. 81.

⁴ «Церковный вестник», 1914, № 21, с. 632—633.

⁵ Научное описание греческих рукописей Синайского монастыря. СИППО, XXIII (1912), с. 205—213.

⁶ Труды XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 году, т. I, М., 1914, с. 215—229.

⁷ СИППО, XXVII (1916), с. 156—168.

⁸ Изд. ППО, XII+312 стр. Рецензии: Н. Пальмов. «Богословский библиографический листок», 1909, I, с. 10—12. Глаголев А. А. ТКДА, 1908, III, с. 470—473; 1909, V, с. 149—154.

⁹ СПб., 1907.

¹⁰ СИППО, XIX (1908), с. 32—49.

¹¹ СПб., 1907.

4. Праздник Благовещения в Назарете и паломнические хождения по Галилее в марте месяце¹.

5. Недели Православия и Крестопоклонная у Св. Гроба в Иерусалиме (в Святогробском храме)².

6. Праздник Входа Господня в Иерусалиме и Лазарева суббота в Вифании³.

7. Умовение ног в Страстной четверг в Иерусалиме и на Патмосе⁴.

8. Приготовление и освящение мира в Страстной четверг в Константинополе⁵.

9. Страстная пятница у Св. Гроба⁶.

10. Благодать св. огня на Живоносном Гробе в Великую субботу⁷. Вторая часть «Церковных торжеств» увидела свет в 1924 году⁸. Она составила из следующих статей:

1. Пасха в Иерусалиме⁹.

2. Праздник Вознесения на Елеонской горе¹⁰.

3. Праздник Св. Троицы на Сионской горе и у дуба Мамврийского¹¹.

4. Праздник св. великомученика и целителя Пантелеимона в Афонском Пантелеимоновском монастыре¹².

5. Праздник Преображения на Фаворской горе¹³.

6. Праздник Успения в Гефсимании¹⁴.

7. Праздник Воздвижения в Иерусалиме¹⁵.

8. Праздник в честь св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова на Патмосе¹⁶.

Мы располагаем весьма ограниченными сведениями о научных занятиях Дмитриевского после революции¹⁷.

¹ СИППО, XIX (1908), с. 201—240, 351—382.

² СПб., 1908.

³ СИППО, XX (1909), с. 52—70.

⁴ «Руководство для сельских пастырей», 1904, № 12, с. 319—330; № 13, с. 351—359.

⁵ Там же.

⁶ СИППО, XX (1909), с. 159—174.

⁷ Там же, с. 174—188.

⁸ Ср. Byzantinoslavica II (1930), № 1, с. 172. Echos d'Orient., 1929, avril—juin, p. 204—205.

⁹ СИППО, XXII (1911), с. 155—172.

¹⁰ Там же, с. 321—336.

¹¹ Там же, с. 336—365.

¹² Там же, XXIII (1912), с. 433—465.

¹³ Там же, с. 289—312.

¹⁴ Ср. «Празднества в Гефсимании в честь Успения Богородицы (по личным воспоминаниям)», там же, XVI (1905), с. 392—404.

¹⁵ Ср. «Обряд воздвижения Креста, совершаемый 14 сентября в Иерусалиме на месте обретения Креста Господня», там же, XVII (1906), с. 588—593.

¹⁶ Там же, XXIV (1913), с. 333—341.

¹⁷ В 1918 году прекратило свою деятельность б. Православное Палестинское Общество. Алексей Афанасьевич оказался на положении безработного. Наступившие в Петрограде разруха и голод заставили его покинуть этот город и поехать в Астрахань к родственникам. В Астрахани в 1918 году был открыт Государственный университет им. А. В. Луначарского. Алексей Афанасьевич получил в нем кафедру греческого языка, а в следующем, 1919 году Советом университета был избран на должность проректора, которую занимал по май 1922 года (ГПБ, фонд 253, картон 1-й).

Преподавание греческого языка в Астраханском университете давало Алексею Афанасьевичу заработок, нужный для существования, так как выплата ему государственной пенсии, которая по определению Учебного комитета при Св. Синоде, выдавалась с 1907 года в сумме 2400 р. в год, в январе 1918 года, в связи с отделением церкви от государства, была прекращена. Научный интерес его теперь был обращен к старине родного края. Алексей Афанасьевич жил мечтой создания краевого Археологического музея и с этой целью проводил большую работу по изучению церковно-археологических ценностей (икон, утвари и пр.), находившихся в храмах Астраханской епархии. Он старался привить любовь и интерес к родной старине своим слушателям в университете, где проводил доклады на соответствующие темы. Один из таких докладов в 25 развернутых листов рукописи, на тему «Замечательная рукопись библиотеки Астраханского государственного университета», хранится в личном архиве проф. Дмитриевского. В сущности, эта «Замечательная рукопись» относилась к

Известно, что он состоял действительным членом Славянской комиссии Академии Наук с 1923 года и принимал участие в работах Русско-византийской комиссии¹. По ее поручению он подготовил для предполагавшегося переиздания Комиссией словаря Du-Cange «Glossarium Graecitatis» три главы биографии Гоара, пользуясь хранящейся в Палеографическом музее Академии Наук перепиской Гоара с Алляцием, которая принадлежала Н. П. Лихачеву. Это поручение объясняет его доклады в заседаниях Комиссии

1) 19 марта 1924 года — О неудовлетворительности издания текстов в Евхологии Гоара² и

2) 21 января и 25 февраля 1926 г. — Византинист XVII века Яков Гоар.

В этих докладах Дмитриевский, пользуясь вышеуказанной перепиской Гоара, раскрывает его деятельность на общем фоне византологических занятий во Франции в XVII веке и выясняет причины неудовлетворительного издания памятников в Евхологии и внесения в него латинского элемента³.

Этими проблемами Дмитриевский интересовался, как мы знаем, давно. Сначала он предполагал дать критику «Евхология» Гоара во введении к своему Евхологию («Описание», т. II), «но за недостатком материальных средств отложил на некоторое время исполнение своего намерения»⁴. В 1917 году, издавая т. III «Описания», он надеялся поместить свое критическое исследование о Гоаре в IV томе, который, к сожалению, не увидел света. В Киевской академии тему о Гоаровом Евхологии он постоянно предлагал студентам. Об этом писал кандидатское сочинение М. Вишневецкий (вып. 1886 г.), над изучением «Евхология» Гоара трудился во время стипендиатского года Шевелев (вып. 1893 г.) и им же занимался Н. Черноуцан (вып. 1901 г.), изучая источники «Новой скрижали». В отзыве на книгу прот. Орлова «Литургия св. Василия Великого» Дмитриевский приходит к выводу, что «ныне уже в несомнении тот факт, что памятники, изданные Гоаром, подлежат более тщательному всестороннему пересмотру и даже переизданию вновь»⁵.

Однако критическое исследование Дмитриевского, к великому сожалению, до сего дня осталось в рукописи⁶.

Третий доклад Дмитриевского в Русско-византийской комиссии 21 октября 1926 г. и 9 июня 1927 г. — «Объяснения к «Уставу» Константина Порфирородного» — явился результатом многолетних работ Дмитриевского над Типиконом Великой Константинопольской церкви,

XVIII веку и представляла собой «Летописец вкратце от сотворения мира...» — труд, не имевший ничего особенно оригинального среди множества ему аналогичных хронографий XVIII в., но Алексей Афанасьевич привлекал к ней интерес слушателей своими сообщениями о личности составителя (писца) этой рукописи, ее владельца (заказчика) и ее последующей судьбе (ГПБ, фонд 253, картон с надписью «Лекции по Литургике»).

13 мая 1922 года Астраханский университет был закрыт (Curriculum vitae, ГПБ, фонд 253, картон 1-й), и Алексей Афанасьевич вернулся в Петроград. Его старые друзья по научной деятельности в области Византологии академик Ф. И. Успенский, проф. И. И. Соколов и др. пригласили его к участию в работах Русско-византийской комиссии при Академии Наук. Алексей Афанасьевич был избран также действительным членом Славянской комиссии Академии Наук (1923 г.). — Н. У.

¹ О ее деятельности — ВВ, XXIV (1923—1926), Л., 1926, с. 115—130, и XXV (1927), Л., 1928, с. 165—170.

² «Известия Академии Наук», 1924, № 12—18, с. 648—649.

³ ВВ, XXIV, с. 123.

⁴ «Описание», т. II, стр. III, прим. 1. Пришлось ограничиться указанием некоторых неточностей и пропусков у Гоара в примечаниях к описанию евхология 1027 г., ркп. Нац. б-ки в Париже, № 213. Там же, с. 993—1058.

⁵ «Сборник отчетов о присуждении премий Академии Наук», IV, с. 178—179.

⁶ Ср. Strittmatter A. The Barberinum S. Marci of J. Goar. Ephemerides Liturgicae XLVIII (1933), p. 329—367.

тоже, к сожалению для литургистов и византинистов, до сих пор полностью критически неизданным¹. Дмитриевский пользуется им же открытым Дрезденским списком этого Типикона и «на основе обширного рукописного материала и глубокого проникновения в литургическую жизнь Византии X века», как отмечает отчет о докладе, показывая, что «нельзя восстанавливать порядки X века при помощи современной нам практики или хотя бы даже указаний Симеона Солунского». Дмитриевский восстанавливает две главы, пропущенные в труде Константина Порфирородного².

Некоторые вопросы византийских религиозных церемоний разбираются в статье Дмитриевского «Хождение патриарха Константинопольского на жребяти в Неделю Ваий в IX—X веке» в «Сборнике памяти С. Срезневского»³.

По поручению Русско-византийской комиссии Дмитриевский для перенздания словаря Дю-Канжа пересматривает свои сочинения, извлекая из них материалы для выяснения смысла греческих слов и толкования специальных терминов⁴. Эта работа дала ему материал для докладов в Комиссии 9 апреля 1925 г. — «Ο ταβλιόν» и «Ο ἄγιος φοβρός»⁵.

Вероятно, после революции им был написан библиографический труд «Библиотека Апостольского Престола и каталоги ее манускриптов»⁶.

Тогда же он вернулся и к академической деятельности⁷.

¹ Теперь есть такое критическое издание. См. выше, на стр. 59, мое примечание.— Н. У.

² ВВ, XXV, с. 166.

³ Сборник Отд. русского языка и словесности, С1, № 3, Л., 1926, с. 69—70.

⁴ ВВ, XXV, с. 128.

⁵ Там же, с. 125, 139—140.

⁶ Рукопись фонда 214 Архива АН СССР. Труды Архива АН СССР, вып. 5, Л., 1946, с. 127. Другая часть рукописей Дмитриевского — в Рукописном отделении Гос. Публичной б-ки им. Салтыкова-Щедрина.

⁷ Осенью 1923 года Алексей Афанасьевич был приглашен читать лекции по Литургии на Богословских курсах центрального городского района в Петрограде — единственном православном среднем духовном учебном заведении, функционировавшем после того, как весной того же года перестал существовать Православный Богословский институт (учрежденный 4 декабря 1919 г.). В середине 1925 года это среднее богословское учебное заведение было реорганизовано в Высшие Богословские курсы. (Об этих Курсах — митр. Григорий (Чуков), «ЖМП», 1946, № 10, с. 9—11.— *Ред.*) Курсы существовали до сентября 1928 года. Все это время, в течение 5 лет, Алексей Афанасьевич читал лекции по Литургии. Кандидатские сочинения в ленинградский период научно-педагогической деятельности А. А. Дмитриевского ему писали: 1) окончивший Петроградский Богословский институт в 1923 году Н. Успенский — на тему «Происхождение чина агриппии, или всеношного бдения, и его составные части» и 2) окончивший Высшие Богословские курсы в 1926 году быв. студент Петроградского Богословского института А. Базунов — на тему «Чин богоявленского водосвящения (великая агасма)». Кроме того, Алексей Афанасьевич рецензировал две магистерских диссертации: прот. В. Рыбакова «Св. Иосиф Песнописец и его песнопетельская деятельность» и прот. А. Голосова «Церковная жизнь на Руси в половине XVII века и изображение ее в записках Павла Алеппского». По первой из названных диссертаций А. А. Дмитриевский выступал первым оппонентом на магистерском коллоквиуме.

Часть лекций, прочитанных студентам Высших Богословских курсов, была записана и под редакцией А. А. Дмитриевского выпущена в машинописи. Это: 1) Всеношное бдение, 2) Утренняя, 3) Службы суточного круга богослужения (часы, повечерие и полунощница), 4) Службы Великой пятницы и Великой субботы, 5) Крещение, 6) Миропомазание, 7) Обручение и венчание, 8) Покаяние.

30 декабря 1927 года Высшие Богословские курсы отмечали сорокапятилетие научной деятельности А. А. Дмитриевского (считая и время преподавательской деятельности в Каз. дух. академии — с 1882 г.). В этот день вечером в актовом зале курсов в присутствии всей корпорации, студентов и приглашенных гостей ректором курсов был отслужен благодарственный молебен, после чего следовали приветствия юбиляру. Были прочитаны многочисленные поздравительные телеграммы, в том числе от старых сослуживцев и учеников А. А. Дмитриевского по Киевской духовной академии (ГПБ, фонд 253, картон 1-й). Сам Алексей Афанасьевич по своей глубокой скромности не желал, чтобы его чествовали. Он не признавал сорокапятилетие юбилейной да-

Достойным преемником проф. А. А. Дмитриевского в Киевской духовной академии был его ученик, литургист-энтузиаст, священник (затем протоиерей) Василий Дмитриевич Прилуцкий¹.

Поступив волонтером Рязанской семинарии в академию в 1903 году, В. Д. Прилуцкий окончил ее в 1907 году, представив написанное под руководством намечавшего его своим преемником Дмитриевского кандидатское сочинение «Частное богослужение в Русской Церкви в XVI в. и первой половине XVII века»². В разрядном списке выпускников он занял 6-е место, но по особому ходатайству Дмитриевского был оставлен третьим профессорским стипендиатом на 1906/07 г.³ Уходящий в отставку Дмитриевский горячо рекомендовал Прилуцкого как «наиболее... правоспособного кандидата на кафедру Литургики и Церковной археологии». Это, по отзыву Дмитриевского, — «энтузиаст-литургист, трудоспособный работник, подающий большие надежды», «безукоризненного поведения, истово церковный человек от молодых ногтей, замечательный знаток церковного чина и большой любитель церковной обрядности, чему доказательством могут служить его весьма частые посещения, в дни студенчества, лаврских праздничных богослужений, заутрень и литургий в Большом Московском Успенском соборе, в Никольском Московском единоверческом монастыре и даже в молельне австрийских старообрядцев на Подоле в Киеве, студент редкого трудолюбия и не лишенный природных дарований, хотя, быть может, и излишне скромный и даже застенчивый». Примером «редкого трудолюбия» Прилуцкого служит, продолжает Дмитриевский, его сочинение, «написанное по рукописным и старопечатным изданиям московских книгохранилищ, которые в течение года он на свои скудные средства посетил даже двукратно»⁴. Напряженный труд Прилуцкого в стипендиатский год засвидетельствован и читавшим его отчет проф. М. Скабаллановичем: «Если бы я лично не знал В. Д. Прилуцкого и своими глазами не видал снедающей его ревности о доме Божиим, то количество сделанного за год показалось бы мне просто невероятным. Тут поистине нужно было бы поучаться и «на ложи»»⁵.

После ухода Дмитриевского в отставку Прилуцкий был избран его преемником 9 июня 1908 г.⁶, получив при закрытой баллотировке 13 «избр.» и 6 «неизбр.». Как видно из журналов Совета, не обошлось и без интриг... Другие два кандидата на кафедру, тоже ученики Дмитриевского — Неселовский и грузинский литургист К. Кекелидзе, предложенные проф. Н. Петровым, отказались баллотироваться. Кекелидзе не хотел принять на себя преподавание Церковной археологии.

той вообще; кроме того, он считал, что для юбилейной даты, каковой он признавал пятидесятилетие, он должен внести в науку новый капитальный труд. Таким трудом он считал критическое исследование Евхологиона Гоара, над которым он интенсивно работал в последние годы. (Часть этой работы в черновых записях сохранилась — ГПБ, фонд № 253, картон 2Б.) Чтобы избежать чествования, Алексей Афанасьевич готов был уехать на это время из Ленинграда, воспользовавшись таким благоприятным обстоятельством, как рождественские каникулы. Но, чтобы предпринять такую поездку, нужны были деньги, а их у юбиляра не было. Он должен был подчиниться желанию администрации, профессуры и студенчества и только просил, чтобы все чествование ограничилось общей молитвой.

В последних числах августа 1928 года Высшие Богословские курсы, учебной и научной деятельности которых проф. Дмитриевский уделял большое внимание, прекратили свое существование. Алексей Афанасьевич всецело отдался работе над критическим исследованием Евхологиона Гоара. К сожалению, следовавшая 10 августа 1929 года кончина его прервала эту работу. — Н. У.

¹ Рукоположен 31 октября 1910 года в Благовещенской конгрегационной академической церкви.

² Извлечение за 1906/07 г., с. 437—440.

³ Извлечения за 1906/07 г., с. 540—544; 1907/08 г., с. 18—19, 292.

⁴ Извлечение за 1906/07 г., с. 541—542.

⁵ Извлечение за 1907/08 г., с. 339. Отзывы об отчете, там же, 1907/08 г., с. 336—341.

⁶ Там же, с. 342—343, 345—348, 349—385.

Переработанное и дополненное новыми материалами кандидатское сочинение Прилуцкого доставило ему степень магистра богословия. Диссертация «Частное богослужение в Русской Церкви в XVI и первой половине XVII века», Киев, 1912¹, была защищена им 7 декабря 1912 г.²

Эта книга представляет собой, собственно говоря, продолжение магистерской диссертации его учителя Дмитриевского, который в свое время дал характеристику богослужения в Русской Церкви в XVI веке в историческом аспекте. Дмитриевский дал и некоторую историю последования таинств из Требника.

Прилуцкий продолжает разбор других чинов Требника — частного богослужения в XVI и первой половине XVII века, когда началась замена неустойчивых и изменявшихся часто под влиянием личного творчества рукописных богослужебных книг московского и южнорусского изводов печатными. Никоновский Требник 1658 года закрепляет текст, и после в эту богослужебную книгу почти не вносились изменения. Прилуцкий дает историю разбираемых им чинов и старается выяснить их происхождение, сравнивая их с греческими, южнославянскими и латинскими чинами. Его интересует как северо-восточная — московская, так и южнорусская практика, закрепленная Большим Требником Петра Могилы. Прилуцкий пользуется богатым рукописным материалом и старопечатными богослужебными книгами. Конечно, настольной книгой у него были *Ἐυχολόγια* Дмитриевского. Многие разбираемые им чины изучались и другими литургистами. Прилуцкий дополняет их новыми, найденными им материалами и вносит необходимые поправки в их исследования, разбивая изучаемые ими чины на шесть групп: 1) чины закладки и освящения храмов и освящения богослужебной утвари и облачений; 2) чины освящения мира; 3) чины водоосвящения; 4) чины пострижения в монашество, со многими дополнениями к диссертации архиепископа Иннокентия (Беляева)³, 5) чины погребения. Последнюю главу — 6-ю — диссертации Прилуцкого составляют молитвы и молебные пения на разные случаи общих молений, молитвы «на разные потребности», включая и врачевальные, которыми занимались уже до Прилуцкого историки русской литературы (Буслаев, Порфирьев и Тихонравов) и литургисты (Алмазов, отчасти Мансветов, Дмитриевский, Каратыгин) и о которых трудно сказать, какая часть их была в общецерковном употреблении. Прилуцкий перечисляет молитвы этого типа и вносит в их исследование новые материалы, пользуясь историко-сравнительным методом.

Из сказанного видно, что диссертация Прилуцкого, богатая содержанием, все-таки носит фрагментарный характер и представляет собой собрание отдельных этюдов, величина которых зависит от собранного материала.

В приложении к своему труду Прилуцкий издал южнорусский «Устав и чин, бываемый на освящении новосозданной церкви», по двум рукописям б-ки Киево-Софийского собора⁴.

После утверждения Прилуцкого магистром богословия Св. Синод назначил его экстраординарным профессором 16 февраля 1913 года⁵.

К тому времени произошло разделение кафедры Литургики и Церковной археологии на две: 1) Литургики и 2) Церковной археологии в связи с Историей христианского искусства, согласно «Высочайше

¹ XIV+376+60+XIII стр. Отзывы проф. М. Скабаллановича и прот. Ф. Титова — Извлечение за 1911/12 г., с. 111—133.

² Извлечение за 1912/13 г., с. 138—139, 233—234.

³ «Пострижение в монашество. Опыт историко-литургического исследования». Вильна, 1899, Еп. Сумской, Нарвский, Тамбовский, Экзарх Грузии († 1913).

⁴ № 648 (68), первой пол. XVII в., и № 647.

⁵ Извлечение за 1912/13 г., с. 139—140, 234.

одобренным в 29 день июля 1911 года изменениям в действующем Уставе духовных академий»¹. За Прилуцким было оставлено преподавание Литургики², а на другую кафедру был избран Николай Николаевич Пальмов, тоже ученик Дмитриевского³, с 16 августа 1912 года.

Прилуцкий, энтузиаст-литургист на студенческой скамье, остался таким же энтузиастом и на профессорской кафедре. В своих лекциях и исследовательских трудах Прилуцкий следовал, как и его учитель, методу историко-археологическому. Он указывал, что русская «богослужбно-истолковательная литература при всем своем обилии и разнообразии не только не стоит на высоте современных научно-литургических требований, но даже как бы игнорирует те данные, которыми располагает для объяснения богослужения Литургика». «Главный недостаток... заключается в том, что авторы... держатся почти исключительно старых приемов объяснения богослужения. При объяснении отдельных богослужбных обрядов и действий указывается одно лишь символическое, духовно-нравственное значение тех и других, объяснение же самой структуры наших служб, того, а не иного расположения частей этих служб, выводится из общей идеи, проникающей известную службу, и отчасти из самого содержания этих составных частей... В основе символического толкования лежит крайний субъективизм: один толковник придает известному церковному обряду одно значение, другой объясняет тот же самый обряд совершенно иначе... Также не всегда оказывается состоятельным и второй... прием объяснения нашей церковной обрядности. ...Им пользуются при объяснении самой структуры наших богослужбных чинов. Желая установить связь известных частей в данном церковном последовании, некоторые толковники исходят из общей идеи этого последования и с точки зрения этой идеи определяют, насколько и как данные части... способствуют развитию этой идеи. Такое объяснение богослужения более удовлетворяет научным требованиям, однако опять-таки далеко не везде применимо. Логическую связь между составными частями наших служб установить не всегда удается, и все попытки в этом направлении неминуемо будут отличаться искусственностью и даже прямо натянутостью. Как бы ни старались, например, уяснить строгое соотношение между шестопсалмием и читаемыми в это время утренними молитвами,— все же эти попытки надлежащим успехом не увенчаются. То же следует сказать относительно наших ектений и возгласов на вечерне и утрени: объяснение взаимоотношения этих составных частей... лишь на основании содержания их — дело не только трудное, но почти и невозможное... Литургика давно осознала недостаточность указанных приемов объяснения богослужения и выдвинула новый... метод, называемый историко-археологическим... Показана и доказана вся важность и несомненная польза нового метода»⁴.

Литургический энтузиазм Прилуцкого вдохновил многих его слушателей. Ему обязано совершение в Киевской академии 10 ноября 1912 года «исторического» богослужения — «идеального», строго уставного всеобщего бдения, красочно описанного единомышленником и коллегой Прилуцкого проф. М. Скабаллановичем⁵.

В Киевской академии образовался один из центров литургического возрождения в Русской Церкви в начале XX века, и его влияние сказалось и в Русской зарубежной Церкви, особенно когда возникла насу-

¹ См., например, Извлечение за 1911/12 г., с. 7.

² Там же, с. 158—159.

³ Там же, с. 363—374, 708.

⁴ Извлечение за 1913/14 г., с. 147—149.

⁵ Толковый Типикон, вып. 2-й, Киев, 1913, с. 330—336; «Из академической жизни», ТКДА, 1912, XII, с. 673—677.

ная потребность раскрыть перед западным христианством богатство литургической жизни Православия.

В последние годы существования Киевской академии литургическая наука в ней процветала, несмотря на внешние трудности академической жизни, вызванные, между прочим, известной ревизией академии архиеп. Антонием. Труды Дмитриевского принесли обильные плоды, и только военные — 1914—1919 — годы прервали дальнейший рост и развитие Киевской литургической школы Дмитриевского.

Наблюдалось необычное явление: за три года (весна 1911 г. — весна 1914 г.) в академии состоялись четыре (13.VI 1911; 1912; 20.III 1914; 12.VI 1914) или даже пять¹ магистерских диспутов по Литургии и была присуждена докторская степень за Историю православного богослужения. Прилуцкий участвует в четырех из них: в одном — диспутантом, а в трех — оппонентом. Он пишет отзывы на диссертации: проф. М. А. Лисицына «Первоначальный славяно-русский Типикон. Историко-археологические исследования», СПб., 1911², Е. П. Дьяковского «Последование часов и изобразительных», Киев, 1913³, и Н. Н. Пальмова «Пострижение в монашество в Греческой Церкви», Киев, 1914⁴. Ему же принадлежат и отзывы о докторской диссертации проф. М. Скабаллановича «Толковый Типикон», вып. 1-й, Киев, 1910⁵, и о вып. 2-м того же труда, представленного на соискание 1-й юбилейной премии митр. Макария⁶. Прилуцкий откликается рецензиями на появление в свет литургических новинок, например, на критическое издание литургии св. Василия Великого прот. М. Орловым⁷. Он пишет рецензию и на книгу А. И. Успенского «Очерк по истории русского искусства», М., 1910⁸.

Под руководством Прилуцкого были написаны следующие кандидатские сочинения:

В 1910 году

Гавриш Феодор

«Чины водоосвящения в православно-христианском богослужении (историко-археологический очерк)»⁹.

Викторовский Евгений, свящ.

«Отношение древнехристианского изобразительного искусства к классическому»¹⁰.

В 1911 году

Деньга Феодор, свящ.

«Православное богослужение как фактор религиозно-нравственного воспитания»¹¹.

¹ Если считать диссертацию В. И. Барвинка «Николай Влеммид и его сочинения», Киев, 1911, в которой наиболее ценным является литургический материал.

² Извлечение за 1910/11 г., с. 411—424.

³ Там же, за 1913/14 г., с. 200—212.

⁴ Извлечения за 1913/14 г., с. 357—368; 1915/16 г., с. 119—135.

⁵ Там же, за 1911/12 г., с. 230—261.

⁶ Там же, за 1913/14 г., с. 145—162.

⁷ ТКДА, 1909, V, с. 136—144.

⁸ ТКДА, 1910, V, с. 163—175. «Чтения в Церковно-историческом обществе при КДА», X, с. 127—139.

⁹ Извлечение за 1909/10 г., с. 409—413 (отзывы профессоров Скабаллановича и Богдашевского). Статья автора, вероятно, глава из его труда, для которого он просмотрел до 700 книг и статей.— «Последование причащения святой Богоявленской воды» в ТКДА, 1912, X, с. 313—323.

¹⁰ Извлечение за 1909/10 г., с. 398—405.

¹¹ Там же, 1911/12 г., с. 532—536.

Улович Николай, свящ.¹

«Ветхозаветный элемент в богослужении православно-христианской Церкви»².

В 1912 году

Максимович Павел

«Символично-аллегорический элемент в древнерусской религиозной живописи»³.

Помазанский Михаил

«Особенности богослужения Западно-Русской Православной Церкви по старопечатным богослужебным книгам XVII в.»⁴

Федоренко Владимир

«Чины иерейского погребения (историко-литургическое исследование)»⁵.

В 1913 году

Саплин Захария, свящ.⁶

«Православно-христианское богослужение в понимании русской интеллигенции»⁷.

В 1914 году

Нечаев Николай

«Могилянский Евхологий 1646 года со стороны его источников»⁸.

Рождественский Александр

«Особенности архиерейского священнослужения литургии в историческом освещении»⁹.

В 1915 году

Гросул Сергей

«Чинопоследование обручения, венчания (историко-литургическое исследование)»¹⁰.

Трезвинский Нектарий, иером.¹¹

«Службы двенадцатых праздников у нас и в римском Бревиарии»¹².

Николай Николаевич Пальмов¹³, кандидат богословия Киевской духовной академии, вып. 1897 года, земляк и ученик Дмитриевского, которому он писал курсовое сочинение, преподаватель Киевской духовной семинарии (с 1910 г.), получил кафедру Церковной археологии в связи с Историей христианского искусства в родной академии в 1912 году¹⁴.

Весной 1912 года им были прочитаны две пробные лекции: 1) 10 апреля — Об омофоре, саккосе и митре¹⁵, 2) 17 апреля — Византийский архитектурный стиль. Его серьезным конкурентом оказался молодой магистр богословия Владимир Барвинок. При баллотировке кандида-

¹ Смотритель Суздальского дух. училища (с 1917 г.).

² Извлечение за 1910/11 г., с. 685—689.

³ Извлечение за 1911/12 г., с. 502—509.

⁴ Там же, с. 540—548.

⁵ Там же, с. 694—701.

⁶ Активный участник «идеальной всеношной» в КДА в 1912 г.; священник Житомирского собора и председатель Епархиального съезда Волинского духовенства¹¹ мирян (1917).

⁷ Извлечение за 1912/13 г., с. 576—583. В III главе — разбор толкований богослужения у Беллюстинова, Муравьева, Гоголя, Рачинского и др.

⁸ Извлечение за 1913/14 г., с. 495—499.

⁹ Там же, с. 556—563.

¹⁰ Извлечение за 1914/15 г., с. 326—330.

¹¹ Участник «идеальной всеношной», епископ Вятский (1924), Яранский, викарий Вятский (1927).

¹² Извлечение за 1914/15 г., с. 483—492.

¹³ 24 ноября 1872 — 28 ноября 1920.

¹⁴ Извлечение за 1911/12 г., с. 362—374.

¹⁵ Историко-археологический этюд. ТКДА, 1912, VII—VIII, с. 375—424

тов голоса в Совете академии разделились поровну, но голос ректора еп. Иннокентия был подан за Пальмова, который и был утвержден Синодом в звании и. д. доцента с 16 августа 1912 года¹.

В 1914 году Пальмов получил ученую степень магистра² за переработанное кандидатское сочинение «Чинопоследование пострижения в монашество (историко-археологическое исследование)»³, которое было напечатано под заглавием «Пострижение в монашество. Чины пострижения в монашество в Греческой Церкви. Историко-археологическое исследование». Киев, 1914⁴. Диспуту 12 апреля 1914 г. предшествовала речь «О чинах пострижения в монашество по памятникам Греческой Церкви»⁵.

Кроме этого литургического исследования, Пальмову принадлежит целый ряд статей литургических, церковно-археологических и библиографических в «Руководстве для сельских пастырей» и в «Библиографическом листке» при этом журнале, написанных им до получения академической кафедры.

В своей рекомендации прот. Н. Гроссу⁶ дает следующий их список:

1. О просфорах и проскомидии⁷.
2. Праздник Пятидесятницы в древнем христианском Иерусалиме.
3. Канун праздника Рождества Христова⁸.
4. «Свет Христов просвещает всех»⁹ (объяснение возгласа).
5. «О приобщении мирян». «Можно ли приобщаться за Преждеосвященной литургией?» «Почему на Преждеосвященной литургии при Великом входе полагается преклонение долу?» «О предначинательных возгласах священнических на службах» (экскурсы).
6. Пасхальная заутреня.
7. Интересный документ (Окружное послание митр. Афанасия Шептицкого от 3 мая 1738 г.).
8. О богослужебной реформе¹⁰.
9. Литургия в первый день Пасхи.
10. Благолепие древности.
11. Поклонение Св. Кресту и праздник Благовещения.
12. Успение Пресвятой Богородицы.
13. Поклонение святыне в Великий пяток и церковные службы этого дня.
14. Вечерня в первый день Пасхи.
15. Св. Иоанн Златоуст как устроитель богослужебного чина.
16. Обряды многолетствования в канун Рождества Христова.
17. К изъяснению третьего прошения великой ектении¹¹.
18. К 23 октября (о вселенской панихиде).
19. О церковных летописях и программе их ведения (экскурсы).
20. О поклонении Кресту среди Великого поста.
21. Первый день Пасхи в старой Москве, во времена патриархов.
22. Книга, посвященная решению двух важнейших вопросов в начальной истории богослужения Русской Церкви.

¹ Извлечение за 1911/12 г., с. 708.

² Извлечение за 1913/14 г., с. 357—377 (отзывы свящ. В. Прилуцкого и прот. Н. Гроссу), с. 705—707. Там же. 1914/15 г., с. 21—22.

³ Извлечение за 1896/97 г., с. 230—232.

⁴ Отзыв (второй) В. Прилуцкого об этой диссертации, представленной на соискание юбилейной премии митр. Макария в 400 руб.—Извлечение за 1915/16 г., с. 119—135, срав. с. 166—167.

⁵ ТКДА, 1914, VII—VIII, с. 486—495.

⁶ Извлечение за 1911/12 г., с. 364—365.

⁷ И отдельно, Киев, 1902.

⁸ И отдельно, Киев, 1903.

⁹ «Руководство для сельских пастырей», 1904, № 9, с. 238—246; № 12, с. 331—343.

¹⁰ Перепечатано в «Омских епарх. ведом.», 1906, № 6—7, с. 57—64.

¹¹ И отдельно, Киев, 1911, Рецензия Н. Нахимова — «Церковные ведомости», 1911, № 22, с. 945—952.

23. Памяти профессора-литургиста А. П. Голубцова.

24. Богослужение в навечерие и в праздник Рождества Христова в старой Москве, в эпоху всероссийских патриархов.

25. Святитель Иосиф убиенный, митр. Астраханский и Терский. К этому списку, данному прот. Н. Гроссу, надо добавить еще следующее:

26. Божоявленское водосвящение¹.

27. Последование Страстей Господних в древней Иерусалимской Церкви².

Пальмову охотно писали кандидатские сочинения, как видно из следующего списка их:

В 1913 году

Дмитрев Александр³

«Венчание на царство в Византии и на Русь»⁴.

Вельмин Виктор

«Киевская Десятинная церковь (X—XX вв.) (Историко-археологический очерк)»⁵.

В 1914 году

Карвовский Михаил

«Храмы Киево-Печерской Лавры (церковно-археологическое исследование)»⁶.

Пирцхалава Антоний, свящ.

«Древнейшие храмы в Мингрелии (церковно-археологическое исследование)»⁷.

Советов Александр

«Киево-Кирилловская церковь (церковно-археологическое исследование)»⁸.

Соин Сергей

«Русская иконография в разработке новейших исследователей (опыт критико-библиографического исследования)»⁹.

Фаворский Димитрий

«Новгородские храмы, их архитектура, стенные украшения и утварь (церковно-археологическое исследование)»¹⁰.

В 1915 году

Петров Николай

«Черниговский Спасо-Преображенский кафедральный собор (историко-археологический очерк)»¹¹.

Яред Александр (сириец)

«Сирийское искусство и значение его в общей истории христианского искусства»¹².

¹ «Руководство для сельских пастырей», 1904, № 2, с. 33—40.

² Там же, № 12, с. 309—319.

³ Профессорский стипендиат при кафедре Канонического права, был командирован в Константинополь в Русский Археологический институт на 1913/14 г. Здесь он собрал богатый материал для пополнения своей работы. Извлечение за 1912/13 г., с. 686; 1913/14 г., с. 5, 71—72, 682—683.

⁴ Извлечение за 1912/13 г., с. 444—454.

⁵ Там же, с. 406—413.

⁶ 1192 стр. (!), там же, 1913/14 г., с. 454—459.

⁷ Извлечение за 1913/14 г., с. 529—535.

⁸ Там же, с. 577—589.

⁹ Там же, с. 589—598.

¹⁰ Там же, с. 657—663.

¹¹ Извлечение за 1914/15 г., с. 501—507.

¹² Там же, с. 614—627.